A 218/2364

ПАМЯТЬ 500-ЛѢТІЯ.

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

СЕРГІЯ,

РАДОНЕЖСКАГО и ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦА,

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ ЕГО

съ приложеніемъ описанія полнаго крестнаго хода изъ МОСКВЫ въ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВУ ЛАВРУ въ 1892 году, 25 Сентября.

Видъ Лавры.

Съ 13-ю рисунками.

МОСКВА.

Типографія И. Е. Ермакова. Пятницкая улица, близъ Серпуховскихъ вор., собствен. домъ.

1894.

А 218/2364

ПАМЯТЬ 500-ЛѢТІЯ.

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО

СЕРГІЯ,

РАДОНЕЖСКАГО И ВСЕЯ РОССІИ ЧУДОТВОРЦА,

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ ЕГО

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

описанія полнаго крестнаго хода изъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру въ 1892 году, 25 Сентября.

Съ 13-ю рисунками.

БИБЛІОТЕКА М.П.М.

МОСКВА.
1894.

Господь, благоволивший возжечь великій свѣтильникъ въ землѣ Русской, не попустилъ, дабы благочестивая отрасль сія возникла отъ неблагоговѣйнаго корня, и преподобному младенцу приготовилъ достойныхъ его родителей, украсивъ ихъ всякою добродѣтелью, дабы взаимно умножалась похвала и родившагося и родившихъ, во славу Божію. Преподобный нашъ отецъ Сергій родился въ 1314 году при великомъ князѣ Юріѣ Даниловичѣ, при святителѣ Петрѣ митрополитѣ Всероссійскомъ, въ городѣ Ростовѣ, отъ родителей благородныхъ и благочестивыхъ: *Кирилла и Маріи*.

Еще прежде, нежели онъ родился, необыкновенный случай, или лучше сказать дивный промыслъ Божій, далъ о немъ

знаменіе, что онъ будетъ благословленнаго корня святая отрасль.—Въ одинъ день мать его пришла въ церковь къ литургіи и остановилась по обычаю съ прочими женами въ притворѣ. Предъ чтеніемъ Евангелія вдругъ младенецъ вскричалъ у нея во чревѣ такъ, что матерь его отъ того смутилась. При начатіи Херувимской пѣсни, вторично вскричалъ онъ такъ громко, что голосъ его слышенъ былъ по всей церкви, и мать пришла въ страхъ. Когда священникъ возгласилъ: „Святая Святымъ“ въ третій разъ вскричалъ младенецъ и мать, едва не падши отъ страха, начала плакать. Прочія женщины, слышавъ громкій крикъ, видя смущеніе матери, пожелали видѣть младенца, и она принуждена была открыться, что младенецъ кричалъ не на рукахъ, но во чревѣ ея.

Ближайшимъ послѣдствіемъ необыкновеннаго приключенія Сергіевой матери было то, что она сдѣлалась особенно внимательна къ своему состоянію. Во все остальное время беременности, она не употребляла ни мяса, ни рыбы, ни молока, ни вина, но питалась хлѣбомъ и сѣменами, а пила одну воду, и часто втайнѣ со слезами молилась хранящему младенцевъ

Господу. Такимъ образомъ плодъ чрева ея, въ самомъ ея чревѣ, уже очищался и освящался постомъ и молитвой.

Исполнилось время чревоношенія и когда, чрезъ сорокъ дней, принесенъ новорожденный младенецъ въ церковь, наречено ему во святомъ крещеніи имя Варѳоломей. Благоразумный іерей Михаилъ, его крестившій, которому открыли родители младенца бывшее о немъ чудо, много поучалъ ихъ изъ ветхаго и новаго завѣта, о избранникахъ Божіихъ, еще во чревѣ матери предназначаемыхъ на служеніе Богу и отпустилъ ихъ съ утѣшеніемъ.

Когда Варѳоломей достигъ семи-лѣтняго возраста, родители отдали его учиться чтенію, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ его Стефаномъ, и съ младшимъ Петромъ. Братья обучались успѣшно, а Варѳоломей далеко отставалъ отъ нихъ. Учитель наказывалъ его, а сверстники укоряли, родители увѣщевали; онъ самъ со слезами молился Богу, но грамота не давалась.

Однажды отецъ послалъ Варѳоломея искать коней въ поле. Отрокъ увидѣлъ въ полѣ подъ дубомъ незнакомаго старца, черноризца, имѣющаго благоговѣйный и ангельскій видъ, который стоялъ на мо-

литвѣ и проливалъ слезы. Варѳоломей поклонился и сталъ вблизи, ожидая окончанія молитвы; окончивъ ее, старецъ обратился къ нему и спросилъ: „что тебѣ надобно, чадо?“ Я учусь грамотѣ ответствовалъ отрокъ, но не умѣю; помолись за меня Богу, отче святый, чтобы я могъ научиться грамотѣ“. Старецъ воздѣлъ руки, возвелъ очи на небо, произнесъ молитву и далъ отроку часть просфоры, сказавъ: „сіе дается тебѣ въ знаменіе благодати Божіей и разумѣнія святаго писанія.— Сладостно показалась ему сія таинственная пища и онъ, падши на землю, со слезами умолялъ его посѣтить домъ родительскій, сказавъ притомъ: „родители мои весьма любятъ такихъ, каковъ ты, отче“.

Удивился старецъ вѣрѣ отрока и послѣдовалъ за нимъ въ домъ отеческій; съ честію встрѣтили его родители Варѳоломея и предложили ему трапезу. Старецъ же, прежде нежели вкусить ее, взявъ отрока, началъ молитвословіе часовъ и велѣлъ ему говорить Псаломъ. Тщетно изумленный отрокъ отрицался неумѣніемъ; старецъ настоялъ, чтобы онъ говорилъ слово Божіе безъ сомнѣнія, и отрокъ, взявъ отъ него благословеніе, началъ стихословить

Псалтирь четко и внятно, и отъ того часа сдѣлался весьма быстръ въ грамотѣ по слову старческому, такъ что родители и братья удивились его нечаянному успѣху. Старецъ утѣшая родителей, сказалъ имъ, что послѣ моего удаленія узрите отрока, хорошо разумѣющаго книги, ибо „сынъ вашъ будетъ великъ предъ Богомъ и человѣками, ради добродѣтельнаго житія“. Къ сему присовокупилъ еще, въ самую минуту своего отшествія, что „отроку надлежитъ сдѣлаться обителью Пресвятыя Троицы, дабы многихъ привести вслѣдъ себѣ, къ разуму Божественныхъ заповѣдей“. Утѣшенные родители провожали старца до воротъ своего дома, но тутъ онъ внезапно сдѣлался невидимъ предъ ихъ очами, такъ что они возвратились въ недоумѣніи: не Ангелъ ли Божій посланъ былъ даровать премудрость ихъ отроку? и глубоко положили въ сердцѣ своемъ его таинственные глаголы.

Боярин Кириллъ, отецъ его, былъ одинъ изъ славныхъ и именитыхъ, по своему богатству, въ городѣ Ростовѣ, но въ послѣдніе годы старости обнищалъ и оскудѣлъ по многимъ причинамъ. Ради такой нужды (рабъ Божій) Кириллъ выѣхалъ изъ

родной веси Ростовской и, со всѣмъ своимъ родомъ и домомъ, переселился въ Радонежъ, водворившись близъ церкви, нареченной во имя Рождества Христова.

Такъ продолжалъ начатый подвигъ отрокъ Варѳоломей, день и ночь подвизаясь въ постѣ и молитвѣ. Два его брата вступили въ супружество; но Варѳоломей просилъ у отца своего позволенія вступить въ иноческое житіе. „Помедли, говорили ему родители, мы стары немощны и скудны; послужи намъ немного и проводи насъ во гробъ, тогда исполнишь свое желаніе“. Благодарный сынъ повиновался.

По нѣкоторомъ времени Кириллъ и Марія сами пожелали вступить въ монастырь, и, поживъ недолго въ монашескомъ чинѣ, отошли къ Богу. Варѳоломей принялъ сіе за поданный Провидѣніемъ Божіимъ знакъ. Проводивъ родителей въ вѣчность, онъ оставилъ земное наслѣдіе ихъ младшему брату своему Петру, а самъ пошелъ искать единственнаго небеснаго наслѣдія.

Между тѣмъ старшій братъ его Стефанъ, поживъ немногіе годы въ супружествѣ, имѣлъ двухъ сыновей, Климента и Іону (изъ коихъ послѣдній, подъ именемъ Ѳеодора, былъ послѣ архимандри-

томъ Симонова монастыря, а наконецъ архіепископомъ Ростовскимъ). По кончинѣ супруги, Стефанъ воспріялъ монашеское житіе въ *Покровскомъ Хотьковомъ монастырѣ*, гдѣ погребены были его родители. Пришедши къ брату, Варѳоломей просилъ его идти съ собою искать мѣста для пустынножительства, и убѣдилъ на сей подвигъ. Послѣ долгаго хожденія по лѣсамъ, полюбилось имъ одно мѣсто, въ густомъ лѣсу, имѣющее и малую воду въ низкихъ мѣстахъ, удаленное не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, и это не безъ особеннаго промысла Божія. Сотворивъ молитву, они начали рубить лѣсъ и сами переносили тяжелыя бревна на мѣсто, долженствовавшее прославиться чудною лаврою; сперва устроили себѣ лиственную хижину, а потомъ убогую келлію, и соорудили подлѣ малую церковицу. Когда же приготовили се къ освященію, блаженный юноша сказалъ Стефану: „поелику ты мнѣ братъ старѣйшій по плоти, а по духу мнѣ вмѣсто отца, то не имѣю никого вопросить кромѣ тебя о томъ, что у меня теперь на мысли: вотъ уже и церковь совершена и готова къ освященію; скажи мнѣ,

во имя какого святаго слѣдуетъ освятить ее и какой будетъ ея праздникъ?“—Зачѣмъ ты испытываешь меня о томъ, что лучше меня знаешь? отвѣчалъ ему Стефанъ. Или забылъ, какъ неодиократно предъ нами возвѣщали тебѣ наши родители, говоря: блюди себя, чадо, ибо ты уже не наше, но Божіе, такъ какъ Господь избралъ тебя и назнаменовалъ еще во чревѣ матери, когда трижды возгласилъ ты въ немъ во время литургіи. Не объяснилъ ли о тебѣ пресвитеръ тебя крестившій, и чудный старецъ насъ посѣтившій, что сей тройственный вопль былъ предзнаменованіемъ того, что ты будешь нѣкогда ученикъ Св. Троицы и многихъ научишь, вслѣдъ за собою, вѣровать во Св. Троицу?—И такъ подобаетъ тебѣ, паче всѣхъ, желать освятить церковь сію во имя Пресвятыя Троицы; не наше есть сіе помышленіе, но Божіе изволеніе и предзнаменованіе, да будетъ здѣсь имя Господне благословенно во вѣки“.

Вздохнулъ изъ глубины сердца блаженный юноша и сказалъ брату: „ты высказалъ то, что давно помышлялъ я въ душѣ моей и чего хотѣлъ, но не смѣлъ вы-

разить; любо мнѣ слово твое, да совершится же церковь сія во имя Св. Троицы; ради послушанія вопрошалъ я тебя, и вотъ Господь Богъ не лишилъ меня желанія моего сердца". Тогда они пошли за благословеніемъ къ святителю Всероссійскому Ѳеогносту митрополиту и съ его благословенія освящена была церковь во имя Пресвятыя Троицы.

Стефанъ, по освященіи церкви, недолго оставался въ пустынѣ, которая прѣдставляла одни труды и недостатки, поелику ничто для безбѣднаго прожитія не было устроено и не бывало въ ней ни посѣтителей, ни приношеній; кругомъ глухая пустыня, ни селъ, ни дворовъ, ни пути людскаго, ни даже мимохожихъ;— отовсюду окружалъ убогую церковь непроходимый лѣсъ. Такъ оставилъ Стефанъ одинокимъ пустынолюбнаго брата и отошелъ въ Москву; тамъ устроилъ себѣ келлію въ Богоявленскомъ манастырѣ, гдѣ подвизался въ постѣ и молитвѣ, ибо и онъ любилъ иноческое житіе и воздерживался отъ всякаго излишества, нося убогія ризы. Въ то время подвизался въ томъ же монастырѣ, еще въ иноческомъ одѣяніи, будущій святитель Всероссійскій

Алексѣй, и всѣхъ назидалъ строгимъ своимъ житіемъ; съ нимъ духовно сблизился братъ преподобнаго, Стефанъ; въ той же обители проживалъ тогда нѣкто именитый старецъ Геронтій. Великій князь Симеонъ Іоанновичъ, увѣдавъ о строгомъ житіи Стефана, повелѣлъ Ѳеогносту митрополиту поставить его въ пресвитера и потомъ игуменомъ Богоявленскаго монастыря и взялъ его себѣ въ духовники.

Юный пустынникъ не поколебался въ своемъ намѣреніи, хотя и оставилъ его единоутробный.—По нѣкоемъ трудѣ и подвигѣ монашеской жизни, призвавъ къ себѣ въ пустыню нѣкоего игумена Митрофана, саномъ присвитера, со смиреніемъ преклонилъ предъ нимъ главу для пострищенія; это было уже на 24 году его возраста. Не замедлилъ игуменъ исполнить благочестивое его желаніе и, въ церкви Пресвятыя Троицы, постригъ юношу, мѣсяца октября въ 7 день, на память святыхъ мученниковъ Сергія и Вакха; посему, сообразно съ обыкновеніемъ тогдашняго времени, и наречено ему имя Сергій. Послѣ пострищенія, игуменъ совершилъ въ той церкви Божест-

венную литургію и пріобщилъ юнаго чернеца.

Исполнился благодати Св. Духа новопостриженный причастникъ Св. Таинъ и внезапно исполнилась церковь неизреченнымъ благоуханіемъ. И такъ Сергій былъ первый постриженный чернецъ своей уединенной церкви, первый начинаніемъ и послѣдній мудрованіемъ о себѣ. Семь дней пробылъ онъ неисходно въ церкви послѣ своего постриженія, ничего не вкушалъ кромѣ одной просфоры, данной ему въ благословеніе отъ постригавшаго игумена.

Отпуская игумена Митрофана, Сергій съ глубокимъ смиреніемъ сказалъ ему: „вотъ ты уже отходишь и оставляешь меня единаго съ сей безлюдной пустынѣ, благослови меня смиреннаго; помолись о моемъ уединеніи и научи, какъ подобаетъ мнѣ жить и молиться въ пустынѣ, и какъ противиться искушеніямъ вражескимъ?“ — Игуменъ отвѣчалъ ему: Господь Богъ, и прежде избравшій тебя, нынѣ да ущедритъ тебя и вразумитъ и возведетъ въ мѣру возраста духовнаго! Отходя изъ пустыни, оставляю тебя Богу, Который

сохранить вхожденіе твое и исхожденіе, отнынѣ и до вѣка.

Однажды ночью взошелъ Сергій въ уединенную церковь свою, чтобы пѣть утреню, но внезапно разступилась стѣна церковная и вступилъ въ нее полкъ бѣсовскій и устремился на блаженнаго усиливаясь будто бы разорить церковь до основанія. Со скрежетомъ зубовъ и съ дикою угрозою вопіяли враги блаженному: „бѣги, изыди отсюда и не дерзай болѣе жить на мѣстѣ семъ; ибо не мы на тебя наступили, но ты нашелъ на насъ; если не бѣжишь отсюда, мы растерзаемъ тебя и умрешь въ рукахъ нашихъ“. Преподобный не смутился духомъ, но вооружился молитвою и произнесъ: „да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его“. При сихъ псаломныхъ словахъ, исчезли враги, столь же внезапно, какъ и явились.

Немного дней спустя, когда опять блаженный читалъ всеночныя молитвы въ уединенной своей хижинѣ, внезапно окружилъ его шумъ и мятежъ полчища бѣсовскаго, безчинно взывая: „отыди, отыди отъ мѣста сего если не хочешь умереть напрасною смертію: не медля бѣги, да не погибнешь отъ руки нашей!“ Пре-

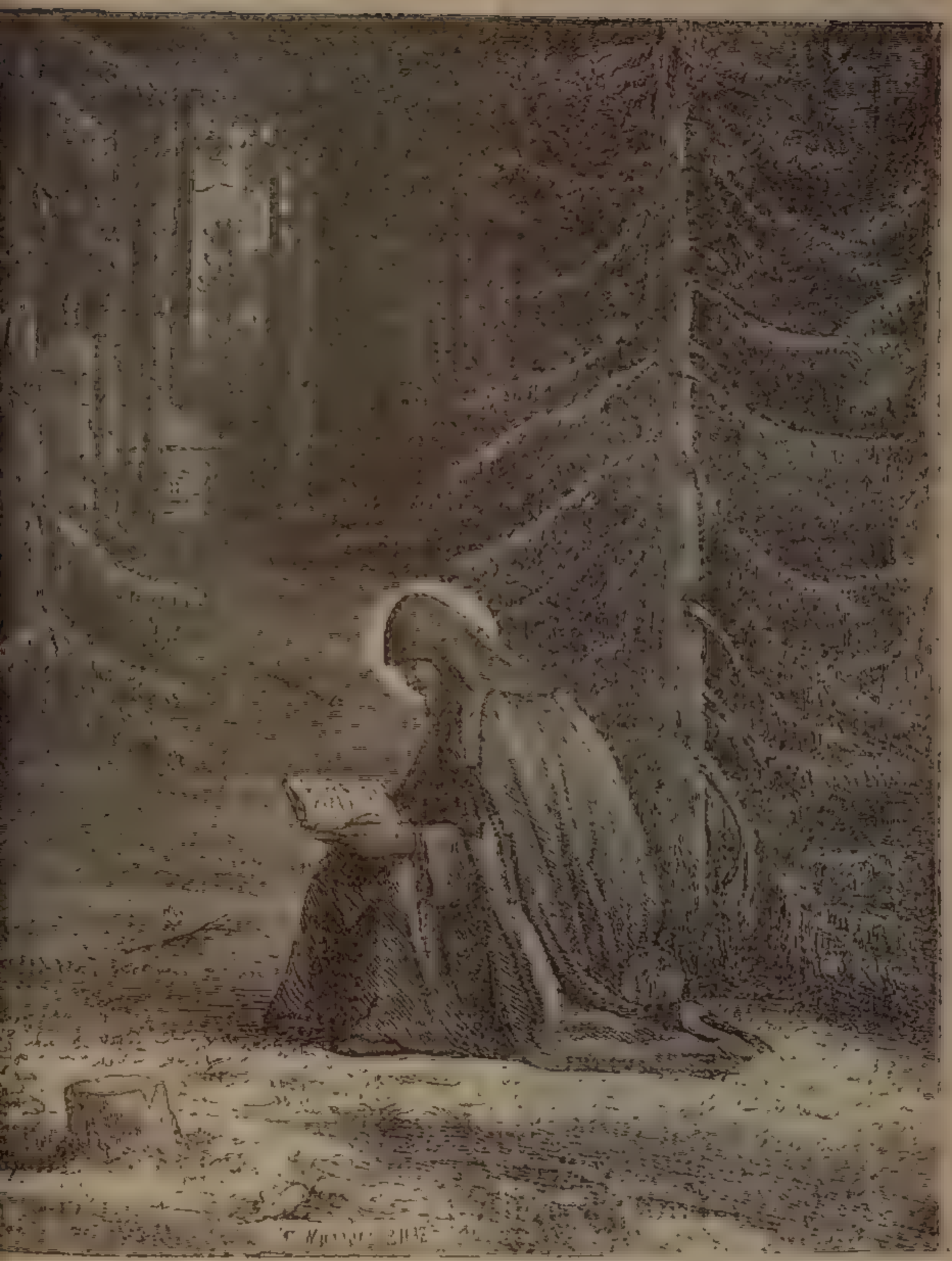
подобный, имѣя твердое упованіе на Бога, сотворилъ слезную къ Нему молитву, и Господь не предалъ имъ раба Своего, но явилъ его побѣдителемъ. Божественная сила внезапно осѣнила его и разсѣялось полчище бѣсовское.

Послѣ такихъ привидѣній демонскихъ, которыя нерѣдко являлись ему въ видѣ голодныхъ волковъ, и самые натуральные волки рыскали около его жилища и выли по цѣлымъ ночамъ; приближались къ нему и другіе болѣе сильные обитатели сихъ пустынныхъ лѣсовъ, медвѣди, но по молитвѣ, звѣри безъ всякаго ему вреда отъ него удалялись. Увидѣвъ однажды предъ хижиною своею большого медвѣдя и примѣчая, что онъ не столько свирѣпъ, сколько гладенъ, Сергій сжалился надъ звѣремъ и, вынесши кусокъ хлѣба, предложилъ ему сей пустынный обѣдъ на пнѣ или на колодѣ. Звѣрь полюбилъ гостепріимство пустынника и, часто приходя къ келліи, ожидалъ обыкновеннаго угощенія, и преподобный, съ своей стороны, привыкъ миловать звѣря, такъ что дѣлилъ съ нимъ послѣдній кусокъ, а иногда и весь отдавалъ ему, оставаясь самъ безъ пищи.

Не болѣе, однако, двухъ лѣтъ препо-добный могъ жить въ любезномъ своемъ одиночествѣ. Люди, желавшіе имѣть при-мѣръ и руководство въ духовномъ жи-тельствѣ, услыхавъ о святомъ житіи Сер-гія, начали просить позволенія селиться и жить близъ него.

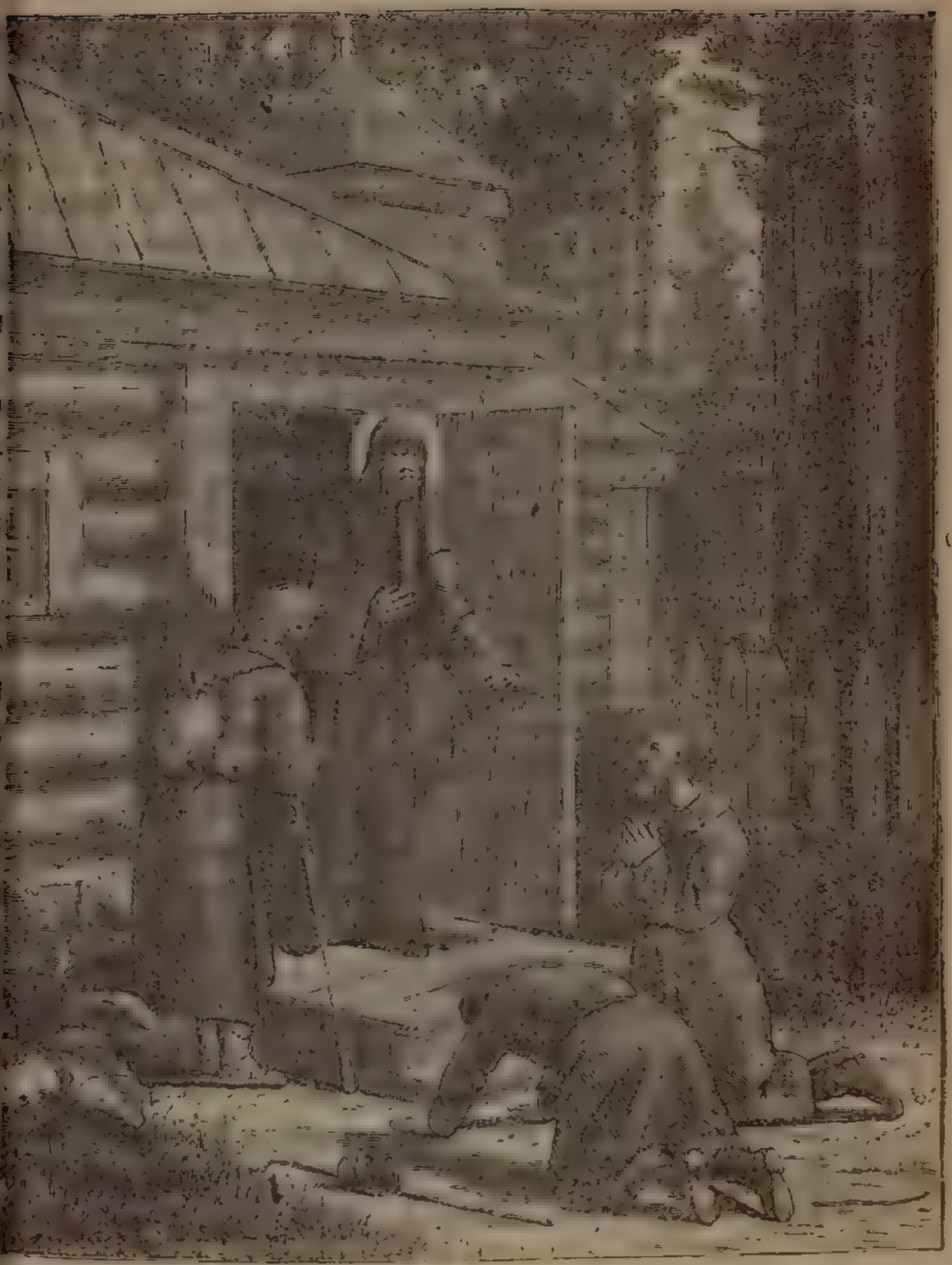
Сперва приходили къ нему по одному, потомъ по два, иногда по три и, припа-дая къ стопамъ его, молили, чтобы ихъ не отринулъ. Вначалѣ онъ возбранялъ имъ, представляя всю трудность пустын-наго житія; но когда они обѣщались все претерпѣвать съ помощію его молитвъ, то преподобный, помятуя слова Господ-ни: „грядущаго ко Мнѣ неизжену вонъ" (Іоан. VI), рѣшился принять ихъ.

По слову преподобнаго пришельцы на-чали созидать себѣ хижины около уеди-ненной келліи, пріемля себѣ за образецъ постническое житіе его. Не болѣе 12 бра-тій собралось вначалѣ около старца и чис-ло сіе оставалось долго неизмѣннымъ, такъ что когда убывалъ одинъ, приходилъ другой на его мѣсто; когда же сооруже-ны были келліи, преподобный оградилъ ихъ тыномъ и приставилъ вратаря у вхо-да въ обитель. Три или четыре келліи



построилъ онъ своими руками, рубилъ дрова и самъ носилъ къ келліямъ, чтобъ облегчить братію, мололъ въ жерновахъ, пекъ хлѣбы, варилъ пищу, шилъ одежду и обувь; воду, въ двухъ водоносахъ на своихъ раменахъ носилъ на гору и поставлялъ у келлій каждаго.

Годъ спустя послѣ того, какъ собралась къ преподобному братія, пришелъ къ нимъ игуменъ Митрофанъ, отъ котораго пріялъ онъ постриженіе, но не надолго возрадовался Сергій, ибо ветхій старецъ сей, разболѣвшись, въ непродолжительномъ времени скончался; много о томъ скорбѣлъ преподобный, ибо великая была нужда въ игуменѣ. По мѣрѣ того, какъ возрастала необходимость, Господь вложилъ въ сердца братій поставить самого ихъ старца на игуменство. Сперва совѣщались они между собою, потомъ же всѣ утвердившись вѣрою, пришли вкупѣ къ преподобному и сказали ему: „Отче, мы не можемъ долѣе жить безъ игумена, и потому мы всѣ пришли къ тебѣ изъявить нашъ помыслъ и желаніе; весьма желаемъ, чтобы ты былъ нашъ игуменъ, наставникъ душамъ нашимъ, дабы мы приходили къ тебѣ съ покаяніемъ, и, откры-



вая предъ тобою грѣхи свои, всякій день принимали отъ тебя прощеніе, благословеніе и молитву, дабы видѣли тебя ежедневно совершающимъ Св. литургію и отъ честныхъ твоихъ рукъ пріобщались божественныхъ таинъ.“ Преподобный отъ сего отрекался, но братія возразила ему: „зачѣмъ ты отрекаешься исполнить общее желаніе? вотъ наше послѣднее слово: или самъ будь нашъ игуменъ, или, если не хочешь, иди испросить намъ игумена у Святителя; если же нѣтъ, мы разойдемся отъ мѣста сего.“ Преподобный отвѣчалъ имъ: „разойдемся теперь каждый въ свою келлію и помолимся прилежно Богу, да откроетъ намъ волю Свою, что намъ подобаетъ дѣлать.“ Черезъ нѣсколько дней преподобный сказалъ имъ: „Отцы и братія, я уже болѣе вамъ не прекословлю, полагаясь во всемъ на волю Бога, испытующаго сердца и утробы“. Въ то время по случаю отсутствія Св. Алексія митрополита Всероссійскаго въ Царьградъ, намѣстникомъ его въ Переяславлѣ былъ епископъ Волынскій Аѳанасій. Взявъ съ собою двухъ старцевъ, къ нему предсталъ Сергій и, падши къ ногамъ его, просилъ благословенія. Послѣ долгой бесѣды со

святителемъ, Сергій смиренно сталъ просить у него игумена и наставника новой обители; епископъ же Аѳанасій сказалъ ему: „возлюбленный! Господь Богъ устами пророка Давида сказалъ: „изведу избраннаго изъ людей Моихъ и рука Моя поможетъ ему: тебя же, сынъ и братъ мой, возвалъ Богъ отъ чрева матери твоей; и такъ ты да будешь отселѣ отцемъ и игуменомъ братіи твоей, собранной въ новой обители Святыя Троицы.“ На это отвѣчалъ Преподобный: „Какъ Господу Богу угодно, такъ и будетъ, благословенъ Господь во вѣки;“ и всѣ единодушно сказали: аминь. Тогда Святитель Аѳанасій велѣлъ клирикамъ идти въ церковь и, взявъ съ собою преподобнаго Сергія, облекся въ священныя одежды, велѣлъ ему гласно произнести символъ вѣры и осѣнивъ крестомъ, поставилъ его иподіакономъ, и діакономъ въ туже литургію. На другой же день рукоположилъ его въ іерея и, въ послѣдующіе дни, велѣлъ ему служить божественную литургію. Съ глубокимъ умиленіемъ впервые принесъ преподобный Сергій безкровную жертву собственными руками, исполненный вмѣстѣ: и страха и радости духовной, и епископъ Аѳанасій,

отечески съ нимъ бесѣдуя, наставилъ его правиламъ Апостольскимъ и ученію святыхъ отецъ, для настроенія душевнаго. Такъ, поучивъ его довольно, отпустилъ къ братіи, поистинѣ игуменомъ и пастыремъ, стражемъ и врачемъ духовнымъ.

Съ радостію встрѣтила братія новаго игумена и поклонилась ему до земли; онъ же, взойдя въ церковь, палъ на землю со слезами, помышляя о важности своего служенія, призывая вышнюю помощь. По молитвѣ обратился онъ къ братіи. словомъ Божіимъ побуждая ихъ неослабѣвать въ подвигахъ ради царствія небеснаго.—Слѣдуя житію великихъ свѣтильниковъ, ангельски на землѣ пожившихъ: Антонію и Евѳимію, Пахомію и Ѳеодосію Киновіарху. онъ укрѣплялъ братію молитвами, и одушевлялъ примѣромъ, вооружаться духовнѣ противъ врага душъ человѣческихъ.

Впрочемъ получивъ начальство, не перемѣнилъ преподобный своего поведенія; не многими словами училъ братію, но наипаче былъ для нихъ образцомъ въ дѣлахъ своихъ. Каждый день совершалъ литургію; въ церкви на всякомъ молитвословіи являлся прежде всѣхъ. По прежнему продолжалъ служить братіи въ до-

машнихъ дѣлахъ: дѣлалъ свѣчи, варилъ кутью, особенно же просфоры приготовлялъ самъ, не допуская ни кого изъ братіи въ этомъ участвовать. Одежду носилъ изъ такой ткани, которую, какъ негодную, отвергали прочіе, и притомъ по большой части ветхую, покрытую заплатами и напоенную потомъ, такъ что люди которые, какъ говоритъ присловіе, встрѣчаютъ по одеждѣ, увидѣвъ его, не хотѣли вѣрить, чтобы то былъ знаменитый игуменъ Сергій.

Въ началѣ игуменства Сергіева, около трехъ лѣтъ, число братіи кромѣ его не было ни больше, ни меньше 12,—такъ, что если одинъ умиралъ, или выходилъ изъ обители, тотчасъ являлся другой, и прежнее число возстановлялось. Первый, пришедшій сверхъ сего числа, былъ архимандритъ Симонъ, который услышавъ о житіи преподобнаго, оставилъ свое настоятельство въ Смоленскѣ, чтобы жить въ послушаніи у него, и своимъ имѣніемъ способствовалъ ему создать церковь, пространнѣйшую прежней. Съ сего времени число братіи возрастало. Съ любовію и радостію принялъ его Сергій; Симонъ же, проживъ многіе годы у него въ послушаніи, исполненный всѣми добродѣтелями,

въ старости маститой, преставился къ Богу, и преподобный съ великою честію проводилъ его до гроба.

И другой архимандритъ вскорѣ пришелъ къ нему изъ Москвы; братъ преподобнаго, Стефанъ, приведшій вмѣстѣ съ собою меньшаго сына Іоанна, еще не старше 12 лѣтъ. Держа отрока за руку самъ родитель ввелъ его въ церковь и предалъ въ руки брату повелѣвая немедленно постричь, и не усомнился Сергій исполнить волю старѣйшаго брата, когда онъ предавалъ Богу сына своего. Ѳеодоромъ наречень былъ юный инокъ и отъ малыхъ лѣтъ научился у преподобнаго дяди своего всѣмъ добродѣтелямъ иноческимъ, доколѣ самъ не достигъ въ мѣру духовнаго возраста и не сдѣлался сперва настоятелемъ обители Симоновской, а потомъ архіепископомъ града Ростова.

Мало по малу разросталась обитель, и преподобный Сергій, по мѣрѣ умноженія братіи, постепенно умножалъ труды свои, чтобы сдѣлаться достойнымъ пастыремъ собраннаго стада. Многіе притекали искать себѣ спасенія подъ мирнымъ его кровомъ и никого не отвергалъ онъ, ни богатаго, ни убогаго, по слову Евангель-

скому: „грядущаго ко Мнѣ неизжену вонъ“ (Іоан. VI); но нескоро постригалъ. Прежде приказывалъ онъ приходящему облечься въ длинную свиту, изъ чернаго сукна, и довольно времени обращаться съ братіею, доколѣ не навыкнетъ всему уставу монастырскому; потомъ уже облекалъ въ иноческую одежду и болѣе опытнаго постригалъ, надѣвая мантію и клобукъ; а когда видѣлъ брата, достигшаго уже совершенства иноческаго, сподоблялъ его и святой схимы. Таковъ былъ порядокъ въ сей пустыни Радонежской, когда въ ней просіялъ преподобный, и молва о немъ пронеслась по всей окрестности.

Тогда это еще дѣйствительно была пустыня, не такъ, какъ въ наше время, говоритъ преподобный Епифаній, благоговѣйный ученикъ Сергія, инокъ; ибо въ первыя 15 лѣтъ отъ начала обители, все было пусто вокругъ; но уже во дни великаго княженія Іоанна Сумеоновича, православные христіане полюбили мѣсто сіе и начали селиться окресть; никто не возбранялъ имъ рубить дремучіе лѣса, до которыхъ дотолѣ неприкасалась рука человѣческая. Добри пустынныя мало по малу преобразовали они въ чистое поле;

въ пролѣскахъ ставили уединенные дворы, а въ иныхъ мѣстахъ и селенія, пустыня сдѣлалась проходимою и обитель начала быть посѣщаема; но не такъ было вначалѣ, когда Сергій, съ немногою братіею уединился въ сію пустыню.

Одно изъ правилъ порядка, учрежденнаго преподобнымъ въ своей обители, было то, чтобы послѣ повечерія, кромѣ крайней нужды, братія не выходила изъ келліи въ келлію и не бесѣдовала другъ съ другомъ, но каждый въ своей келліи упражнялся бы въ молитвѣ и рукодѣліи. Для наблюденія за симъ, по совершеніи своей келейной молитвы, въ глубокій вечеръ, особенно въ долгія ночи, обходилъ онъ тайно всѣ келліи братій. И если находилъ кого на молитвѣ, или съ книгою, или за рукодѣліемъ, о таковомъ радовался, благодарилъ Бога и молилъ о его утвержденіи. А если слышалъ празднословящихъ, ударялъ въ дверь или въ окно, чтобы прекратить непозволенную бесѣду и удалялся. На утро же, призвавъ къ себѣ таковыхъ входилъ съ ними въ назидательный разговоръ и, не обличая вначалѣ, приводилъ ихъ къ смиренному признанію

въ прегрѣшеніи, а непризнательныхъ об-
личалъ и исправлялъ эпитиміей.

Другое достойное примѣчанія правило
преподобнаго было то, чтобы, въ случаѣ
недостатка потребнаго для пропитанія.
братія не ходила изъ монастыря, по де-
ревнямъ и селамъ просить, но, съ терпѣ-
ніемъ, въ монастырѣ, просила бы и ожи-
дала милости отъ Бога.

Случилось, что недоставало вина, для
совершенія литургіи, ѳиміама для кажде-
нія и воска для свѣчей. Тогда зажигали
ерезувую или сосновую лучину, и при
семъ освѣщеніи совершали утреннюю и
всенощную службу, съ большимъ трудомъ,
питая въ полумракѣ каноны и псалтирь.
Поелику монастырь образовался изъ пу-
стынножительства, и совершеннаго обще-
житія еще не было учреждено, то недо-
статокъ пропитанія постигалъ игумена
прежде всѣхъ. Случилось однажды, что у
него не было ни хлѣба, ни соли, и во
семъ монастырѣ оказалась скудость въ
щѣ. Три дня провелъ Сергій безъ пи-
ди, а на разсвѣтѣ четвертаго пришелъ
ъ одному изъ братіи, именемъ Даніилу,
сказалъ ему: „слышалъ я, что ты хо-
ешь пристроить сѣни къ твоей келліи;

построю я тебѣ ихъ, чтобы руки мои не были безъ дѣла". „Весьма сего желаю, отвѣчалъ ему Даніилъ, и давно у меня все приготовлено для работы, но ожидаю древодѣля изъ села; тебѣ же боюсь поручить, чтобы ты не взялъ отъ меня великой мзды". Работа сія не дорого тебѣ станетъ, возразилъ Сергій; хочу гнилаго хлѣба, а у тебя онъ есть, больше же сего ничего отъ тебя не требую. Зачѣмъ тебѣ ожидать древодѣля мимо меня? развѣ не знаешь, что и я такъ же умѣю работать". Тогда Даніилъ вынесъ ему нѣсколько кусковъ хлѣба, которые отлагалъ за гнилостію, говоря: „если дѣйствительно ты такихъ хочешь, то возьми все, что имѣю".—„Довольно мнѣ сего и съ избыткомъ, отвѣчалъ Сергій; побереги это для меня до девятаго часа; я не беру платы прежде работы". Сказавъ сіе крѣпко препоясалъ себѣ чресла и началъ усердно работать: отъ утра до вечера, не смотря на голодъ, съ помощію Божіею, долбилъ столбы, тесалъ доски, и къ захожденію солнца совсѣмъ построилъ сѣни. Поздно уже было, когда старецъ Даніилъ вынесъ ему гнилые хлѣбы, какъ условленную цѣну, за трудъ цѣлаго дня; тогда, поло-

живъ ихъ предъ собою, Сергій, по молитвѣ, благословилъ ихъ и началъ ѣсть съ одною водою, даже безъ соли: это былъ вмѣстѣ обѣдъ его и ужинъ. Нѣкоторые изъ братій, видя, что отъ гнилости хлѣба исходила изъ устъ его пыль, изумились долготерпѣнію своего старца, что такую дурную пищу онъ не хотѣлъ принять безъ труда.

Но другіе, также неѣвшіе по два дня, потеряли терпѣніе и возроптали. „Случаясь тебя, говорилъ одинъ изъ таковыхъ Сергію, мы умираемъ съ голоду, ибо ты запрещаешь намъ ходить въ міръ, чтобы просить хлѣба, завтра же пойдемъ отсюда каждый въ свою сторону, и болѣе сюда не возвратимся, ибо не можемъ уже терпѣть здѣшней скудости“. Преподобный Сергій, желая подкрѣпить ихъ малодушіе своимъ долготерпѣніемъ собралъ всю братію, и съ обычною кротостію, увѣщевалъ ихъ не изнемогать въ искушеніи; онъ приводилъ имъ на память слова Спасителя: „ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ. Воззрите на птицы небесныя, яко не сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, и Отецъ вашъ небесный

питаетъ ихъ, кольми паче васъ, маловѣ-
ри?“ (Мат. VI), обнадеживалъ ихъ, что
претерпѣніе искушеній вознаградится су-
губою пользою и что будетъ измѣненіе-
въ ихъ трудномъ положеніи, по слову пса
лмопѣвца: „вечеръ водворится плачъ, а
заутра радость“. (Псал. 29); наконецъ
сказалъ: „вѣрую, что Богъ не оставитъ
мѣста сего и живущихъ въ немъ“.

Дѣйствительно. пока онъ еще бесѣдо-
валъ съ братіею, услышали, что кто-то
стучитъ во врата; вратарь, приникнувъ
къ скважинѣ, узналъ, что прибылъ обозъ
съ явствами домашними, и будучи самъ
весьма голоденъ, отъ радости, не отво-
рилъ врать, но устремился къ Преподоб-
ному съ вѣстію, говоря: „Отче, благосло-
ви привезшихъ хлѣбы, ибо твоими молит-
вами много ихъ привезено предъ врата-
ми“. Святый Сергій велѣлъ принять ихъ
внутрь обители и всѣ прославили Бога,
увидѣвъ, какъ много брашенъ привезено
было на возахъ. Преподобный приказалъ
собраться всей братіи и пригласить на
общую трапезу принесшихъ брашна, да-
бы угостить благодѣтелей своихъ, по
прежде велѣлъ ударить въ било, и войдя
въ церковь, соборне отслужилъ благо-

ственный молебенъ. Послѣ молитвы сѣли всѣ за трапезу. Сергій благословивъ хлѣбы раздѣлилъ ихъ братіи; хлѣбы были всѣ теплы и мягки, какъ бы только что испечены и имѣли удивительную сладость во вкусѣ, будто испечены были съ масломъ и благовоннымъ зеліемъ.

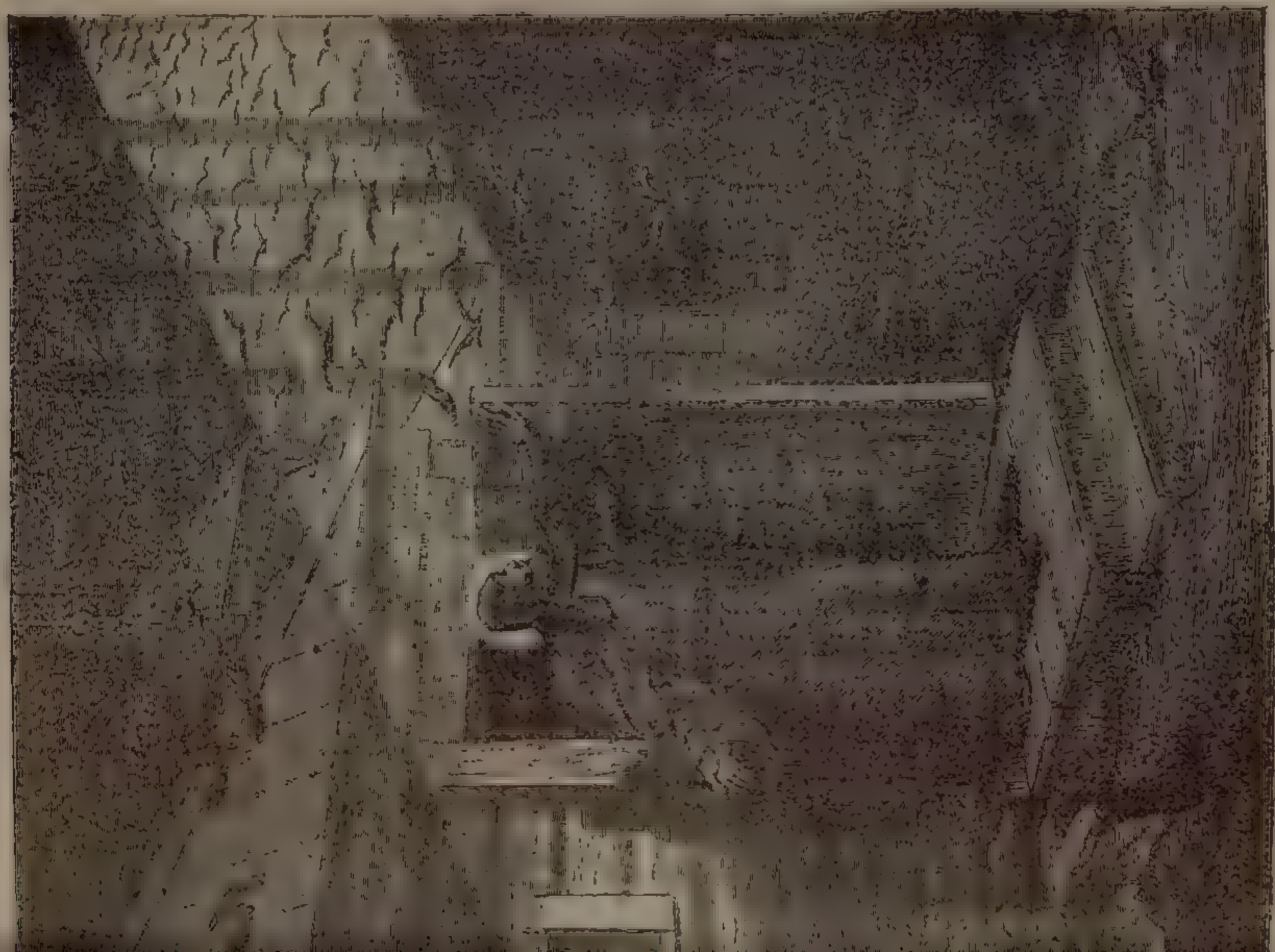
Во время трапезы, спросилъ Сергій: „гдѣ же тотъ братъ, который ропталь на заплѣсневшіе хлѣбы, пусть войдетъ теперь и разумѣетъ: какова пища послана намъ отъ Бога“. Потомъ преподобный спросилъ: „гдѣ же привезшіе хлѣбы?“ но никто не могъ дать ему отвѣта; братія только смотрѣла другъ на друга. „Развѣ не говорилъ я вамъ; сказалъ Сергій, чтобы вы пригласили ихъ къ трапезѣ“. По слову твоему, мы ихъ звали и допытывали отъ кого хлѣбы? сказали иноки; они же только отвѣчали, что Христолюбецъ нѣкій послалъ ихъ изъ дальнихъ мѣстъ къ Сергію, и не смотря на приглашеніе наше, не хотѣли придти на трапезу, отговариваясь, что имѣютъ еще и другое порученіе, и такъ скрылись отъ очей нашихъ“. Изумился преподобный и вмѣстѣ съ братіею прославилъ Бога. „Видите ли, сказалъ онъ, что Господь не оставляетъ мѣста

сего, и рабовъ Своихъ, трудящихся день и ночь съ вѣрою и терпѣніемъ, вы же памятуйте слово апостольское: «имѣюще пищу и одежду, сами довольны будемъ» (1 Тим. VI). Съ тѣхъ поръ братія научалась терпѣнію при случавшихся недостаткахъ, а между тѣмъ и на другой и на третій день, къ общему изумленію, опять незнаемые Христолюбцы присылали обильную пищу для всей братіи.

Былъ еще однако одинъ случай, возбудившій сперва ропотъ, а потомъ обратившійся во славу Сергія, ибо вѣра его явилась съ тою силою, какую присвояетъ ей Спаситель, когда говоритъ: „вся елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимите“ (Мат. XXI). Когда пришелъ онъ безмолствовать на мѣсто сіе, не заботился о водѣ далеко отстоявшей. Неоднократно братія жаловалась ему, что далеко ходить за водою, и даже нѣкоторые говорили: „Для чего на такомъ мѣстѣ надобно было создать обитель?“ На сіе преподобный отвѣчалъ: „я хотѣлъ безмолвствовать одинъ; Богу угодно было воздвигнуть здѣсь обитель; но дерзайте въ молитвѣ: если Онъ, въ безводной пустынѣ, далъ воду непокорному народу Еврейскому,

то презритъ ли васъ, работающихъ день и ночь?“ Послѣ сего взялъ одного брата, пошелъ въ дебрь подъ монастыремъ, и нашедъ немного дождевой воды, произнесъ надъ нею молитву, и едва онъ оную кончилъ и назначеновалъ крестомъ мѣсто, на которомъ прежде, по свидѣтельству старожиловъ, никогда не было текущей воды, внезапно обильный источникъ пробился изъ подъ земли, который и доселѣ всѣми видимъ (у Пятницкаго монастыря) и многіе отъ него черпаютъ на потребу, благодаря Бога и угодника его Сергія. Бывали исцѣленія отъ воды сей приходящимъ къ источникусъ вѣрою, какъ свидѣтельствуетъ преподобный Епифаній, такъ что и отъ дальнихъ мѣстъ посылали за цѣлебною водою для больныхъ своихъ; не одинъ и не два подобные случаи бывали, но многократные, самый источникъ оттолѣ прозвался Сергіевымъ; но смиренный чудотворецъ, узнавъ сіе, строго запретилъ братіи, говоря: „не я, но Господь далъ сію воду намъ недостойнымъ“...

Отселѣ начались благодатныя знаменія чудодѣйственной силы Сергіевой. Въ окрестностяхъ его обители жилъ благоговѣйный человѣкъ, питавшій большую вѣру къ пре-



подобному; одного только сына имѣлъ онъ и отрокъ сей лежалъ на одрѣ болѣзни: съ вѣрою понесъ онъ въ обитель скорбѣвшій отецъ, говоря самъ себѣ: „если только донесу его до человѣка Божія, то конечно исцѣлѣетъ“. Успѣлъ онъ принести отрока къ келліи Святаго и слезно просилъ надъ нимъ помолиться; но когда еще Сергій готовился совершать молитву, отрокъ, отъ жестокаго припадка, испустилъ духъ. Утративъ послѣднюю свою надежду, огорченный отецъ съ плачемъ началъ укорять Сергія, что, вмѣсто желаннаго утѣшенія, только умножилъ его скорбь, ибо лучше-бы для него было, если бы отрокъ скончался дома. Оставивъ мертвеца своего въ келліи святаго пошелъ онъ готовить гробъ. Сергій же, сжалившись надъ родителемъ, началъ молиться о умершемъ и внезапно ожилъ отрокъ. Возвратился отецъ, неся все нужное для погренія; но Сергій, встрѣтивъ его на порогѣ келліи, сказалъ: „Не разсмотрѣвъ ты возмутился духомъ; отрокъ же твой не умеръ“. Не хотѣлъ вѣрить словамъ его изумленный отецъ, но увидѣвъ сына живымъ, палъ къ ногамъ человѣка Божія; Сергій же говорилъ: „прельщаешься и не знаешь самъ, за что благодаришь; когда ты несъ

сюда больнаго отрока, онъ изнемогъ отъ сильной стужи, а тебѣ казалось, что онъ умеръ“. Въ недоумѣніи возвратился отецъ съ воскресшимъ и не въ силахъ будучи утаить радости отеческой, онъ только воздавалъ славу Богу, творящему чудеса.

Вотъ и другой случай. Вдали отъ лавры преподобнаго жилъ знатный человѣкъ на берегахъ Волги, который впалъ въ изступленіе ума и неукротимое бѣснованіе, такъ что иногда необходимо было смирять его узами желѣзными, и тѣми даже невозможно было удержать его; онъ бѣгалъ отъ людей въ мѣста пустынныя и тамъ пребывалъ со звѣрями, доколѣ опять не обрѣтали его присные. Услышавъ о чудесахъ преподобнаго Сергія, они совѣщались между собою, какъ бы привести его къ человѣку Божію; многихъ трудовъ стоило имъ исполнить сіе сердобольное дѣло; потому что бѣснуемый сильно противился, дикимъ голосомъ взывая: „куда меня влечете, не только видѣть не хочу, но и слышать о Сергіи“. Когда же довлекли его до обители, внезапнымъ порывомъ разбилъ онъ свои узы и на всѣхъ устремляясь, вопіялъ: „не хочу, не хочу,“ голосъ его былъ ужасенъ и дикіе вопли слышны были внутри ограды. Возвѣ-

стили о томъ преподобному; онъ велѣлъ ударить въ било и собраться братіи на молебствіе о болящемъ, и тотъ сталъ мало по малу укрощаться, такъ что могли ввести его въ монастырь; Сергій вышелъ изъ церкви, держа въ рукѣ крестъ и когда осѣнилъ имъ бѣснующагося, съ воплемъ отскочилъ онъ мучимый діаволомъ; недалеко была вода, накопившаяся отъ наводненія, въ нее устремился онъ, взывая ,что горитъ страшнымъ пламенемъ, и съ той минуты исцѣлился благодатію Христовой и молитвами святого. Нѣсколько дней тихо провелъ онъ въ обители, воздавая хвалу Богу и исцѣлившему его угоднику Божію и мирно возвратился въ домъ свой.

Съ тѣхъ поръ еще болѣе начало стекаться народа въ обитель преподобнаго: отъ многихъ странъ и городовъ приходили къ нему искатели безмолвія, подъ его кровъ. Вельможи и простые люди всѣ къ нему притекали, и Сергій, видя надъ своею обителью благословляющую руку Божію, тѣмъ съ большимъ усердіемъ молился о преуспѣяніи братіи. Однажды въ глубокій вечеръ, въ обычномъ правилѣ, когда бодрствуя, возносилъ молитву о своихъ духовныхъ чадахъ, услышалъ онъ голосъ,

который звалъ его: „Сергій!“ Изумился старецъ странному зову въ тишинѣ ночи, и сотворивъ молитву открылъ окно келлеи; внезапно представилось ему чудное видѣніе: возсіялъ съ неба великій свѣтъ, такъ что и ночная тьма разсѣялась сіяніемъ сего свѣта, и тотъ же голосъ вторично возгласилъ ему „Сергій, ты молишься о чадахъ своихъ, и Господь принялъ твою молитву; посмотри, какое множество иноковъ, наставляемыхъ подъ твоею паствою собрано тобою во имя Живоначальныя Троицы“ Сергій посмотрѣлъ и увидалъ множество прекрасныхъ птицъ, слѣтѣвшихся не только въ монастырь, но и окрестъ его, и опять послышался дивный голосъ: „подобно тому, какъ ты видѣлъ птицы сія, такъ умножится стадо учениковъ твоихъ и по тебѣ не оскудѣютъ, если захотятъ послѣдовать стопамъ твоимъ“. Утѣшился блаженный неизреченнымъ видѣніемъ и желалъ съ кѣмъ либо раздѣлить свою духовную радость. Онъ пригласилъ архимандрита Симона, всѣхъ ближе къ нему жившаго и Симонъ, изумленный столь нечаяннымъ зовомъ старца въ ночное время, поспѣшилъ на его голосъ, но не сподобился полнаго видѣнія, а только засталъ часть нѣкую чуд-

наго свѣта. Сергій повѣдалъ ему все видѣнное и слышанное имъ и оба они, по слову псаломному, возрадовались съ трепетомъ (Пс. II).

Жившіе много лѣтъ съ преподобнымъ свидѣтельствовали, что никогда изысканная новая риза не восходила на тѣло его и не облекался онъ въ испещренныя или мягкія одежды. Вмѣсто дорогихъ суконъ одѣвался Сергій въ сермяжную ткань, изъ простой волны овецъ и темнаго цвѣта; самая верхняя риза его была ветхая и многошвейная отъ частыхъ заплатъ. Часто случалось, что встрѣчавшіе его въ убогой одеждѣ, не признавали въ немъ игумена Сергія, о которомъ много слышали, но принимали его за какого либо странника, или за одного изъ послѣднихъ въ его обители.

Одному земледѣльцу, пришедшему изъ дальнихъ мѣстъ, много слышавшему о добродѣтели Сергія, пожелалось видѣть преподобнаго. Привходѣ въ ограду, увидѣлъ онъ самого человѣка Божія, копающаго землю для огороднаго зелія, и не зная его, спрашивалъ братію. Иноки сказали ему, чтобы онъ подождалъ немного, вышелъ Сергій, и братія указала его пришельцу;

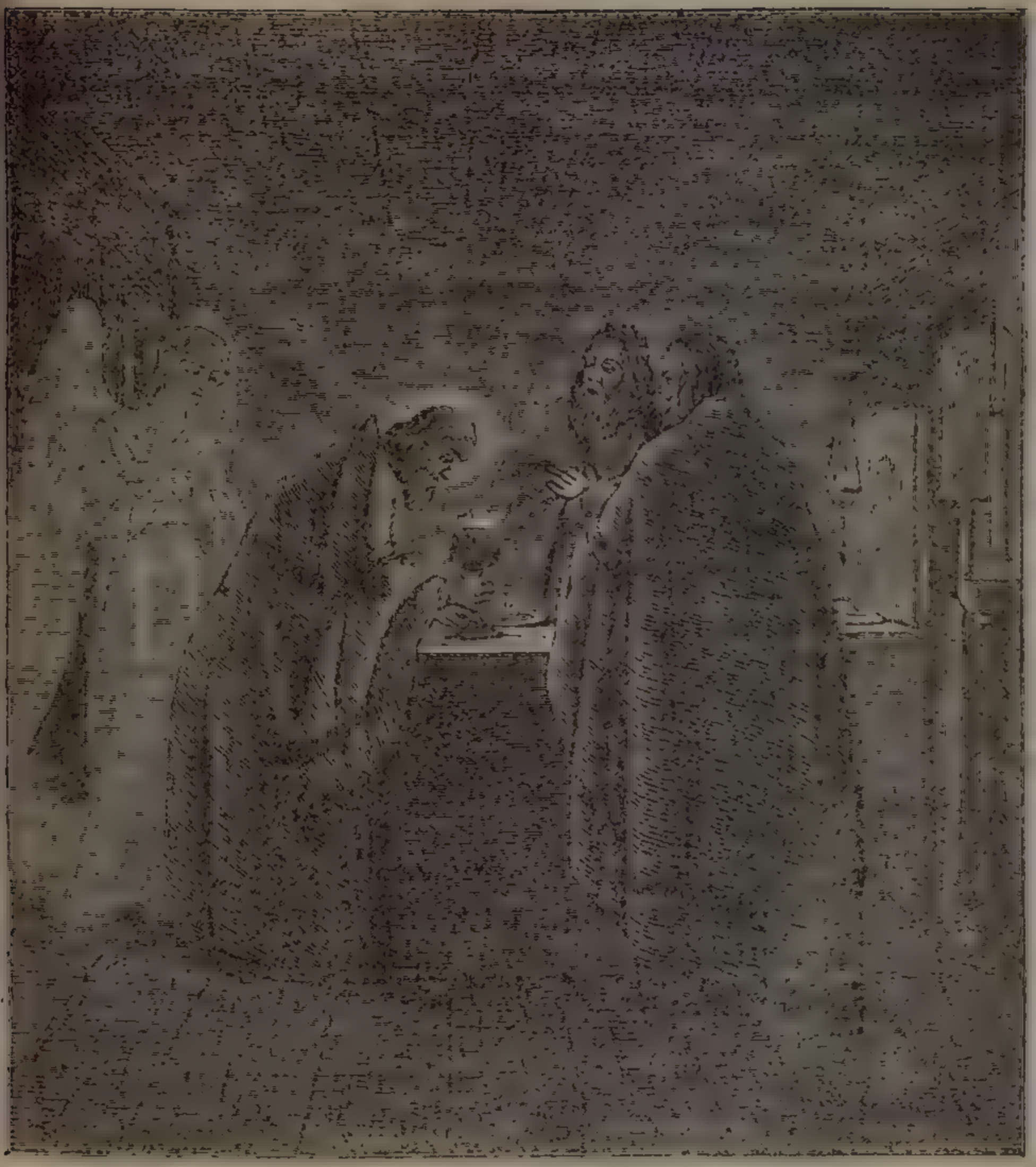
но земледѣлецъ отвратился отъ него со смѣхомъ. „Издалека пришелъ я видѣть пророка, сказалъ онъ, вы же показали мнѣ какого-то ницаго“.

Оскорбилась братія невѣріемъ поселянина, который не хотѣлъ воздать подобающей чести ихъ игумену, и просили у преподобнаго позволенія изгнать изъ обители невѣжественнаго гостя; но Сергій остановилъ ихъ, говоря: что ни къ нимъ онъ пришелъ, а къ нему, и что, по слову апостольскому: „духовнымъ подабаетъ духомъ кротости исправлять погрѣшности братій своихъ (Гал. VI). Недождавшись себѣ поклона отъ поселянина, самъ онъ, съ великимъ смиреніемъ, поклонился ему до земли и съ любовью благословилъ, благодаря, что имѣетъ и о убожествѣ его надлежащее мнѣніе. Недовольствуясь тѣмъ, онъ взялъ его за руку, посадилъ подлѣ себя за трапезу и самъ предлагалъ ему яства и питіе. Пришелецъ, видя такое снисхожденіе, повѣрилъ ему печаль свою, что доселѣ не исполнилось его желаніе видѣть Сергія. Кротко отвѣчалъ ему Сергій: „такъ велика къ намъ милость Божія, что отселѣ никто не исходитъ печальнымъ, и Богъ тебѣ пошлетъ въ

сей же часъ того, кого ищешь“. Въ это время пріѣхалъ въ обитель нѣкій князь, съ великою честію и славою, окруженный множествомъ бояръ и отроковъ, они же, разчищая дорогу для своего владыки, схватили поселянина и далеко отринули его отъ князя своего и Сергія. Ужаснулся простецъ, увидя, какъ еще издали благоговѣйно поклонился до земли пришедшій князь преподобному, который, облобызавъ его благословилъ; только двое они возсѣли, окрестъ же нихъ всѣ бояре и братія стояли.

Тогда только постигъ свое неразумѣніе поселянинъ, и дождавшись выхода княжескаго изъ обители, бросился къ ногамъ преподобнаго, молилъ его простить ему невѣжество и невѣріе, и Сергій утѣшилъ его, отпустилъ съ благословеніемъ; но сердце простодушнаго человѣка было такъ поражено смиреніемъ великаго аввы, что онъ вскорѣ опять возвратился въ обитель, въ ней постригся въ иноческій образъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ, въ добромъ исповѣданіи, преставился къ Богу.

Спустя немного времени, какъ въ награду за такое смиреніе, пришли въ обитель къ преподобному Сергію посланные отъ



патріарха Константинопольскаго Филоѳея, принесши ему въ даръ: крестъ и параманъ и схиму вмѣстѣ съ писаніемъ. Блаженный же Сергій смиренно отвѣчалъ имъ: „Остерегитесь, не къ иному ли вы посланы? ибо кто я грѣшный и недостойный, чтобы сподобиться мнѣ такихъ даровъ отъ важнѣйшаго патріарха?“ Но посланные утверждали, что ни къ кому иному не пришли, какъ только къ преподобному Сергію. Тогда старецъ, поклонившись имъ до земли, угостилъ ихъ на трапезѣ и, пригласивъ отдохнуть въ обители, самъ поспѣшилъ къ святителю Алексію митрополиту, съ донесеніемъ о случившемся.

„Что ты повелишь, святый владыка?“ вопросилъ Сергій, по прочтеніи посланія, и митрополитъ отвѣчалъ старцу; „Богъ прославляетъ славящихъ Его: посему и ты, преподобный, сподобился такого блага, что имя твое и жительство достигли столь далекихъ странъ, и даже великій патріархъ посылаетъ тебѣ совѣты на общую пользу, и мы много его за то благодаримъ и не можемъ тебѣ совѣтовать чего либо инаго“. Съ того времени учреждено въ обители совершенное общежитіе, распредѣлены общественныя должности и строго

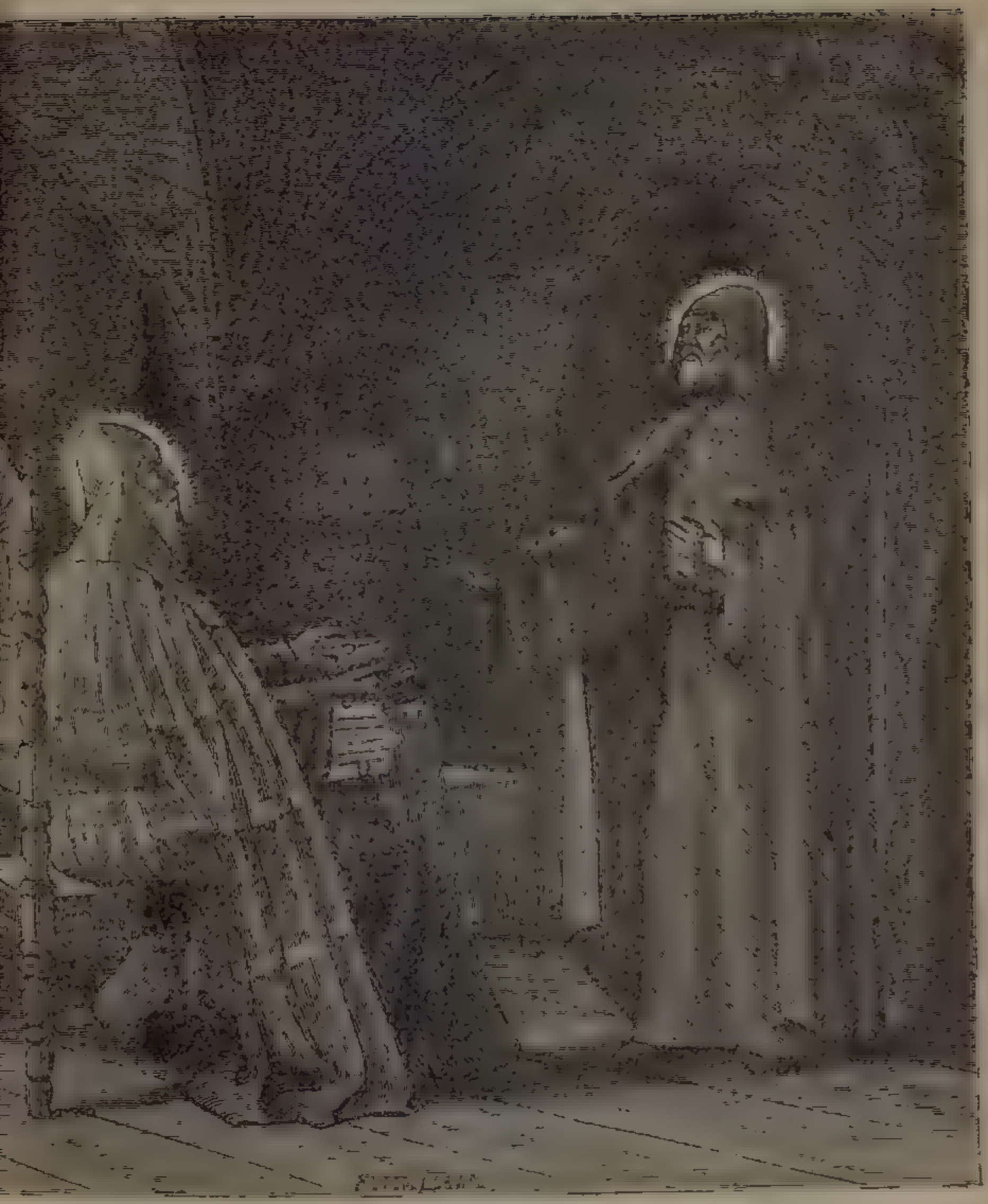
запрещено имѣть свою собственность или что либо называть своимъ, ибо положено всему быть общему. Премудрый пастырь одного поставилъ келаремъ, дабы заботился о внѣшней потребѣ, другого же приставилъ служить немощнымъ; въ церкви назначилъ эклесіарха и повелѣлъ твердо все соблюдать по заповѣди святыхъ отецъ.

Когда такимъ образомъ довершилось благоустройство обители, то и число учениковъ возросло паче прежняго, и всякое обиліе въ немъ водворилось. Мудрый распорядитель ввелъ въ обитель страннопріимство, питаніе нищихъ и подаяніе просящимъ.

Учрежденіе сіе почиталъ онъ столь важнымъ для обители, что не обинулся подкрѣпить оное особеннымъ предреченіемъ: если говорилъ онъ братіямъ, сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія, то и по отхожденіи моемъ отъ житія сего, обитель весьма распространится, и на многія лѣта неразрушима постоитъ благодатію Христовою.

Казалось что обитель Сергіева отовсюду крѣпко была утверждена и отъ всякой превратности безопасна, но кто знаетъ что родитъ наступающій день?—Въ одинъ

субботный день святый Сергій былъ въ алтарѣ, совершая самъ вечернюю службу, а братъ его Стефанъ стоялъ на лѣвомъ клиросѣ. „Кто тебѣ далъ эту книгу? спросилъ Стефанъ канонарха, и тотъ отвѣчалъ: что ее далъ игуменъ“. Неизвѣстно, отъ чего помыслъ гнѣва и властолюбія поколебалъ Стефана. „Кто здѣсь игуменъ? сказалъ онъ; не я ли первый основалъ мѣсто? и другія немирныя произнесъ онъ слова, которыя Сергій, будучи въ алтарѣ, слышалъ. Игуменство не привлекало, а тяготило его. Окончивъ вечерню, Сергій, не заходя въ келлію, тайно удалился изъ монастыря и одинокій пошелъ путемъ, ведущимъ на Кинелу; настигала ночь, и онъ спалъ на пустомъ мѣстѣ; на утро же продолжалъ путь свой и достигъ Махрищскаго монастыря. Тамъ испросилъ у настоятеля, преподобнаго Стефана, какого либо брата, который бы ему могъ указать пустынныя мѣста, и обойдя съ нимъ многія дебри, обрѣлъ наконецъ прекрасное мѣсто на рѣкѣ, называемой Киржачь. Такъ какъ никто не зналъ о выходѣ Сергія изъ своей обители, то всѣ ужаснулись, не обрѣтая его дома; братія разослана была по всѣмъ пустынямъ, селамъ и городамъ, чтобы его



искать. Одинъ узъ иноковъ пришелъ на Махру къ преподобному Стефану и услышавъ отъ него, что Сергій прошелъ въ дальнюю пустыню, дабы тамъ основаться. Обрадованный инокъ въ первомъ порывѣ, хотѣлъ устремиться вслѣдъ за своимъ игуменомъ, но потомъ однако рѣшился возвратиться въ обитель, чтобы и прочію братію утѣшить столь радостною вѣстію. Едва только услышали осиротѣвшіе иноки, гдѣ обрѣтается ихъ наставникъ, они начали по два, по три къ нему переселяться, и съ любовію принималъ ихъ преподобный, поставлял келліи для ихъ успокоенія. Потомъ послалъ онъ двухъ учениковъ своихъ къ митрополиту Алексію, просилъ у него благословенія на основаніе церкви и получивъ оное, началъ сооружать церковь.

Благодатію Христовою, при множествѣ сподвижниковъ и, бѣльцовъ, успѣшно совершилось зданіе церковное и возродилась обитель, исполнившаяся многочисленною братіею. Не потерпѣли однако оставшіеся иноки Троицкой обители тяжкаго для нихъ разлученія съ наставникомъ своимъ, и возгорѣвшись любовію пришли въ престольный градъ къ митрополиту. „Владыко свя-

тый, сказали они святителю Алексію, да вѣдаетъ святое твое владычество о разлукѣ нашей съ отцемъ нашимъ духовнымъ; нынѣ мы живемъ какъ овцы, неимущія пастыря; священноиноки и простые старцы, не терпя такого разлученія, одинъ за другимъ переходятъ къ нему изъ обители нашей, и мы сами не можемъ долѣе терпѣть такого лишенія. Итакъ, если соизволяетъ на смиренное моленіе наше, повели ему опять возвратиться въ прежнюю обитель, да не въ конецъ она раззорится".

Сжалился святитель надъ безутѣшно плачущими и немедленно послалъ къ преподобному Сергію двухъ архимандритовъ: Герасима и Павла, съ пастырскимъ отъ себя словомъ, исполненнымъ Божественнаго писанія, какъ отецъ поучающій сына своего, прося возвращенія въ монастырь Святыя Троицы. Смиренно отвѣчалъ посланнымъ преподобный: „такъ отъ меня скажите владыкѣ моему митрополиту: все изъ твоихъ устъ пріемлю съ радостію, какъ бы изъ устъ Христовыхъ и ни въ чемъ тебя не преслушаю". Съ такимъ отзывомъ возвратились архимандриты къ святителю и обрадованный совер-

шепнымъ послушаніемъ Сергія, немедленно прислалъ къ нему священниковъ и утварь, дабы освятить на Киржачѣ церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Сергій послалъ одного избраннаго ученика Романа къ митрополиту, и тотъ рукоположивъ его во пресвитера, поставилъ строителемъ на Киржачѣ. Возвращеніе преподобнаго въ прежнюю обитель было торжествомъ взаимной любви учениковъ и наставника, они вышли на встрѣчу ему съ радостными славословіями, припадая къ ногамъ старца, цѣловали руки его и ноги и самую одежду, благодаря Бога за возвращенія желаннаго ихъ аввы.

Весьма желательно было преподобному, чтобы не Романъ, а другой любимый ученикъ его Исаакій былъ игуменомъ въ новой обители Благовѣщенія, но сей никакъ не соглашался и молилъ преподобнаго благословить его на конечное молчаніе, и блаженный старецъ сказалъ ему: „чадо, если желаешь безмолвствовать, то завтра, когда совершимъ Божественную литургію, стань у сѣверныхъ дверей и тамъ благословлю тебя“. На другой день, по слову старца, встрѣтился ему Исаакій

сѣверныхъ дверей и Сергій, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: „Господь да исполнитъ твое желаніе“. Въ самую минуту благословенія Исаакію показалось, что нѣкой пламень исходитъ изъ руки преподобнаго и всего его объемлетъ. Съ того дня пребылъ онъ въ безмолвіи до послѣдняго издыханія.

Слѣдуетъ здѣсь вспомянуть и о епископѣ Стефанѣ Пермскомъ, мужѣ благоговѣйномъ, который съ дѣтства возсіялъ сердечною чистотою и многую любовь стяжалъ къ блаженному отцу Сергію. Однажды случилось ему идти въ царствующій градъ, изъ своей епископіи Пермской, путь его лежалъ мимо обители въ 10 отъ нея верстахъ. Прочитавъ молитву, мысленно поклонился онъ издали на ту сторону, гдѣ стояла обитель Сергіева. Случилось тогда преподобному Сергію сидѣть за трапезою съ братіею, и духомъ уразумѣлъ онъ въ тотъ же часъ духовное цѣлованіе епископа Стефана. Немедленно всталъ онъ съ трапезы, и немного постоявъ, сотворилъ молитву и поклоненіе, и сказалъ: „радуйся ты, пастырь Христова стада, и миръ Божій да пребываетъ съ тобою“. Изумилась братія необычай-

ному возстанію Сергія отъ трапезы, прежъ
дѣ установленнаго времени; нѣкоторые
же поняли, что онъ имѣлъ видѣніе и. п
оканчаніи трапезы, спрашивали его о слу
чившемся. Искренно отвѣчалъ имъ Сергій
„въ этотъ самый часъ епископъ Стефанъ
идущій ко граду Москвѣ, сталъ противъ
монастыря нашего и поклонился Святой
Троицѣ и насъ смиренныхъ благословилъ“
въ чемъ впослѣдствіи нѣкоторые изъ уче
никовъ его удостовѣрились.

Прозорливость сія являлась и въ дру
гихъ случаяхъ: однажды князь Владимір
Андреевичь послалъ блаженному Сергію
служителя, съ различными брашнами д
утѣшенія братіи. Посланный искусился на
пути, и употребилъ нѣчто отъ брашен
въ свою пользу: старецъ, познавъ духом
его согрѣшеніе, обличилъ его, и тогда
только принялъ приношеніе княжеское
когда виновный покаялся предъ нимъ в
винѣ своей.

Другой человѣкъ, нрава лихоимнаго
живши близъ обители оскорбилъ сосѣда
своего, сироту, и отнялъ у него откор
мленнаго имъ борова, не заплативъ де
негъ. Обиженный прибѣгнулъ къ посред
ничеству святого. Сергій, какъ скоры

заступникъ убогихъ, призвалъ къ себѣ
обидѣвшаго и послѣ многихъ увѣща-
вій велѣлъ заплатить цѣну сиротѣ; винов-
ный въ первую минуту страха обѣщалъ
удовлетворить обиженнаго, но возвра-
тясь домой по малодушію измѣнилъ своей
мысли. Когда же взошелъ онъ въ клѣть,
гдѣ хранился зарѣзанный имъ боровъ, съ
изумленіемъ увидѣлъ, что все мясо уже
изъѣдено червями, несмотря на зимнее вре-
мя: въ ту же минуту, заплативъ цѣну си-
ротѣ, велѣлъ онъ выбросить испорченное
мясо на съѣденіе псамъ и птицамъ, но и
тѣ къ оному не прикасались.

Трудная болѣзнь приключилась одному
изъ сосѣднихъ жителей лавры Сергіевой.
Братьямъ его по плоти пришла благая
мысль обратиться къ преподобному Сер-
гію: они принесли своего больного и по-
ложили къ ногамъ Сергія, прося о немъ
помолиться. Святый же съ молитвою по-
кропилъ болящаго святою водою и онъ
въ ту же минуту почувствовалъ облегче-
ніе: вскорѣ глубокій сонъ объялъ его и
слѣдъ затѣмъ послѣдовало исцѣленіе.

Господь прославлялъ своего угодника
болѣе явными знаменіями. Однажды
совершалъ онъ въ обители Божественную

литургію съ братомъ своимъ Стефаномъ и племянникомъ Ѳеодоромъ, уже посвященнымъ въ санъ пресвитера. Исаакій же молчальникъ стоялъ въ церкви. Внезапно видитъ онъ внутри алтаря четвертаго чуднаго образомъ мужа, сослужащаго симъ тремъ и сіяющаго необычайнымъ свѣтомъ въ блистающихъ ризахъ. На первомъ выходѣ съ Евангеліемъ, ангеловидный мужъ сей шелъ вслѣдъ за святымъ Сергіемъ и лице его сіяло какъ солнце, такъ что Исаакій не могъ даже взирать на него. Чудо разрѣшило ему уста, онъ обратился къ стоявшему подлѣ него благоговѣйному иноку Макарію, каторый былъ сподобленъ того же видѣнія и спросилъ его: „не знаетъ ли, кто сей чудный мужъ?“ Не знаю, отвѣчалъ Макарій, но и меня объемлетъ ужасъ; я сперва думалъ, что онъ пришелъ къ намъ въ обитель съ княземъ Владиміромъ и спрашивалъ у бояръ его: не пришелъ ли съ нами какой-либо пресвитеръ? но они отвѣчали, что нѣтъ. Безъ сомнѣнія это ангелъ Божій, сослужащій Сергію“. По окончаніи литургіи, оба ученика, удостоенные видѣнія, приступили къ преподобному и спрашивали его о таинственномъ мужѣ. Сергій отвѣ-

чалъ: „чада мои любезныя, если Господь уже открылъ вамъ тайну сію, то и я не могу утаить отъ васъ, что видѣнный вами былъ ангелъ Господь и не только теперь, но и всегда бываетъ такое посѣщеніе Божіе мнѣ недостойному во время совершенія Божественной литургіи, вы же сахраните сіе втайнѣ до исхода моего изъ сей жизни.

Святитель Алексій, находясь въ духовномъ союзѣ съ преподобнымъ Сергіемъ, не только бралъ иноковъ изъ его лавры въ настоятели своей обители, но и употреблялъ его въ церковныхъ дѣлахъ государственной важности. Такимъ образомъ, когда возникли междоусобія въ семействѣ князей Суздальскихъ и младшій изъ нихъ вторгнулся въ удѣлъ старшаго, митрополитъ Алексій, не успѣвъ возвратить похищенное, ни словомъ княжескимъ, ни словомъ святительскимъ, рѣшился наконецъ, чтобы смирить непокорнаго, наложить запрещеніе церковное на злоприобрѣтенное имъ достояніе, и совершилъ его устами преподобнаго Сергія. Кроткій инокъ вышелъ изъ своей пустыни, чтобы исполнить строгое повелѣніе святителя, но, вмѣстѣ съ словомъ запрещенія, убѣди-

тельныя рѣчи потекли изъ устъ его, и к
общему утѣшенію водворилось желанно
согласіе между братьями. Когда же пре
старѣлый святитель началъ чувствовать
приближеніе своей кончины, онъ вызвал
опять преподобнаго. Посреди духовно
бесѣды митрополитъ внезапно велѣлъ при
нести золотой крестъ, украшенный драг
цѣнными каменьями и дарствовалъ ег
святому. Сергій же со смиреніемъ покл
нившись, сказалъ: „Прости меня, владык
святый, отъ юности я не былъ златонос
сецъ, а въ старости наипаче подобает
мнѣ пребывать въ нищетѣ“. „Знаю, отвѣ
чалъ ему святитель, что таково было всег
да житіе твое, но теперь покажи послу
шаніе и прими отъ насъ даръ сей в
благословеніе“. Сказавъ сіе, возложил
онъ на св. Сергія крестъ, своими руками
вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ ему значен
сего. „Да будетъ тебѣ извѣстно, препо
добный, для чего я призвалъ тебя и чт
хочу съ тобою сотворить: вотъ я держал
Богомъ врученную мнѣ митрополію, сколь
ко Ему было угодно: нынѣ же вижу себ
приближающимся къ кончинѣ, только н
знаю дня моего отхода. Желаю еще пр
жизни моей обрѣсти мужа; могущаго по

слѣ меня пасти стадо Христово, и изъ всѣхъ избралъ тебя единаго, какъ достойнаго принять слово истины. Знаю вѣрно, что отъ великодержавнаго и до послѣдняго человѣка, всѣ тебя желаютъ, итакъ ты заблаговременно почтенъ будешь саномъ епископства; послѣ же моего исхода и престолъ мой воспріимешь".

Услышавъ слова сіи, весьма огорчился преподобный. „Прости мнѣ, владыко святый, отвѣчалъ онъ, ты хочешь возложить на меня бремя, свыше мѣры, и ты не найдешь во мнѣ того, чего ищешь, ибо кто я? грѣшный и худшій всѣхъ человѣкъ". Напрасно убѣждалъ митрополитъ изъ Божественнаго писанія, смиренный труженикъ остался непреклоннымъ, послѣ чего, успокоивъ и утѣшивъ старца духовными рѣчами, онъ отпустилъ его въ свое мѣсто.

Не много времени спустя св. Алексій митрополитъ преставился изъ житія временнаго въ вѣчность въ 1373 году, и опять начали великодержавный и князья просить преподобнаго воспріять архіерейскій санъ, но духовный адамантъ Сергій никакъ на сіе не соглашался. Между тѣмъ престолъ архіерейскій восхитилъ нѣкто архимандритъ Михаилъ, въ простонародіи

называвшійся Митяемъ, и будучи духовникомъ великаго князя, дерзнулъ облечься въ одежду святительскую и возложить на себя бѣлый клубокъ. Онъ началъ вооружаться противъ преподобнаго, полагая, что Сергій противится его дерзновенію, желая самъ воспріять себѣ каѳедру. Еще болѣе раздражался онъ, когда преподобный взялъ себѣ на поруки, предъ лицемъ великаго князя, друга своего епископа Суздальскаго Діонисія, который хотѣлъ отплыть въ Царьградъ и могъ сдѣлаться опаснымъ соперникомъ для Митяя. Блаженный старецъ, услышавъ похвальбы его, сказалъ ученикамъ своимъ: „извѣстно мнѣ, что Михаилъ грозится противъ нашей обители, но не получитъ онъ желаемаго и, побѣжденный гордостію, не увидитъ даже и Царьграда. Сбылось пророчество святаго, ибо, во время плаванія своего къ Царьграду, Митяй внезапно разболѣвшись, скоро скончался, и другой архимандритъ Пименъ, изъ числа его спутниковъ, поставленъ былъ въ санъ митрополита, хотя, и безъ согласія княжескаго. Сергія же всѣ почитали какъ единаго отъ пророковъ; и дѣйствительно сбылось надъ нимъ знаменательное благословеніе святи-

теля Алексія, ибо онъ сдѣлался духовнымъ пастыремъ всей россійской Церкви и при жизни и по кончинѣ, хотя и не занялъ каѳедры святительской.

Доселѣ мы видѣли преподобнаго Сергія, какъ благочестиваго пустынножителя и образователя благоучрежденныхъ обителей; но изъ глубины его смиренія просіявалъ, когда сего требовало время, и дѣятельный сынъ отечества и мужъ государственный. Попущеніемъ Божіимъ, за грѣхи наши, во дни великаго князя Московскаго Дмитрія Іоанновича, князь Ордынскихъ татаръ Мамай подвигъ всю великую орду на землю Русскую, и ужасомъ объяты были всѣ Русскіе люди. Князь же Дмитрій, имѣя великую вѣру къ святому старцу, и признавая въ немъ даръ пророчества, пришелъ къ нему въ обитель спросить его: „повелитъ ли ему выдти въ походъ противъ безбожныхъ татаръ?“

Преподобный благословилъ державнаго на ратный подвигъ, вооружилъ его молитвою и сказалъ: „должно тебѣ, Государь, попещись о врученномъ тебѣ отъ Бога христоименитомъ стадѣ; иди, съ помощію Божіею, получишь побѣду и возвратишься здравымъ съ поля битвы.“ Уми-

лился великій князь и сказалъ: „если Богъ пошлетъ мнѣ помощь на враговъ, поставлю монастырь во имя Пречистой Богоматери, и принявъ благословеніе, поспѣшилъ въ походъ. Сергій отпустилъ съ нимъ двоихъ своихъ иноковъ: Александра Пересвѣта и Андрея Ослябя, и обоихъ рода боярскаго, которые горѣли ревностію положить животъ свой за вѣру Христову и землю родную, и дѣйствительно во время битвы, сразившись съ богатырями Ордынскими, запечатлѣли кровію свой подвигъ. Когда же великій князь выступилъ въ поле противъ татаръ и узнавъ о превосходствѣ вражіихъ силъ, началъ колебаться недоумѣніемъ: на что ему рѣшиться; внезапно пришелъ къ нему посланный отъ преподобнаго Сергія, съ писаніемъ, въ которомъ святый старецъ возбуждалъ князя „безъ всякаго сомнѣнія, идти смѣло противъ невѣрныхъ, и нисколько ихъ не бояться, вполнѣ надѣясь на помощь Божію.“ Князь и все его воинство, ободренные писаніемъ преподобнаго, сразились съ несмѣтными полчищами враговъ, и на берегахъ Дона одержана была знаменитая Куликовская побѣда, которая сдѣлалась началомъ освобожденія

Россіи отъ ига татарскаго. Бѣжали не-
честивые, видя надъ собою гнѣвъ Божій,
и долго ихъ преслѣдовала Христоносная
Хоругвь. Между тѣмъ преподобный въ
самое время битвы, стоя на молитвѣ съ
братіею, видѣлъ дальнее, какъ бы близ
него совершаемое: не смотря на раз-
стояніе многихъ дней пути, онъ возвѣ-
щалъ братіи о успѣшномъ ходѣ битвы,
сказалъ потомъ и о совершенной побѣдѣ
и о мужественныхъ подвигахъ великаго
князя, именовалъ даже избіенныхъ во-
иновъ Христовыхъ и принесъ о нихъ мо-
литву.

Побѣдоносный князь Донской, по воз-
вращеніи своемъ съ поля битвы, по ука-
занію Сергія, на живописномъ берегу
рѣки Дубенки поставилъ церковь во имя
Успенія Богоматери, гдѣ вскорѣ состави-
лась многолюдная обитель, въ коей на-
стоятелемъ былъ ученикъ преподобнаго
Савва.

Въ другое время великій князь Дмит-
рій умолилъ опять святаго старца Сергія,
чтобы въ вотчинѣ его Коломнѣ, на уро-
чищѣ называемомъ Голутвино, пришелъ
благословить мѣсто, для сооруженія тамъ
монастыря во имя Богоявленія Господня

Преподобный, исполняя волю державнаго, благословилъ мѣсто и по просьбѣ князя далъ одного изъ учениковъ своихъ, благоговѣйнаго священно-инока Григорія, въ строителя новой обители.

Таковы были плоды духовные великаго аввы Сергія. Это уже была седьмая обитель, сооруженная человѣкомъ Божіимъ, ибо онъ дѣйствительно показалъ себя пастыремъ многихъ монастырей, и отцемъ ихъ настоятелей, отъ которыхъ произошли новыя обители *).

Не должно умолчать объ одномъ чудесномъ видѣніи Сергія. Однажды въ глубокую ночь предъ иконою Богоматери пѣлъ онъ акаѳистъ, и, совершивъ обычное правило, сѣлъ немного отдохнуть, но вдругъ сказалъ ученику своему, по имени Михею: „бодрствуй, чадо, ибо мы будемъ имѣть чудесное посѣщеніе“. Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ услышанъ былъ

*) Преподобный Ѳеодоръ, племянникъ блаженнаго старца, подъ его руководствомъ, возросъ въ мужа совершеннаго сподобился сана пресвитерскаго; ему пришло желаніе составить общежительный монастырь, и юный строитель обрѣлъ себѣ мѣсто живописное, на берегу Москвы рѣки на урочищѣ называемомъ *Симоново*,—Сергій самъ пришелъ посмотрѣть мѣсто, полюбилъ оное и благословилъ тутъ быть обители. Ѳеодоръ испросилъ разрѣшеніе у Святителя, чтобы соорудить церковь во имя Рождества Богоматери, и составилъ обще-

глась: „Пречистая грядетъ!“ Святый Сергій поспѣшилъ изъ келліи въ сѣни и внезапно осіялъ его великій свѣтъ, паче солнечнаго; онъ узрѣлъ Преблагословенную Дѣву сопровождаемую Апостолами Петромъ и Іоанномъ, въ неизреченной славѣ

жительный монастырь, по преданіямъ святыхъ отецъ собравъ множество братій изъ различныхъ мѣстъ, ибо далеко простиралась слава о добродѣтели и премудрости Ѳеодора. Онъ почтенъ былъ отъ Вселенскаго Патріарха саномъ старѣйшаго архимандрита надъ всѣми настоятелями русскихъ монастырей, и составилъ новую обитель на Симоновѣ, во имя Успенія Богоматери, и наконецъ возведенъ былъ на каѳедру святительскую роднаго своего города Ростова.

Однако прежде нежели устроилась сія обитель, другой ученикъ преподобнаго, Андроникъ, изъ той же Ростовской отчины блаженнаго Сергія, сдѣлался строителемъ, по желанію святителя Алексія митрополита, новаго монастыря во имя Нерукотвореннаго Образа на берегахъ Яузы; монастырь этотъ и доселѣ, помня имя своего основателя, называется Андрониковымъ. Святый митрополитъ Алексій, сорудивъ благолѣпную церковь, поставилъ въ ней и чудную икону Спаса, богато украшенную золотомъ, которую привезъ изъ Царьграда и доставивъ общежитіе иноческое при церкви, вручилъ настолтельство Андронику. Молва о добродѣтельной жизни Андроника распространилась повсюду не менѣе Ѳеодоровой, и привлекла къ нему множество учениковъ. Въ теченіи долгаго его правленія, облеклась чрезвычайною славою его обитель: онъ ее оставилъ по себѣ не менѣе благоговѣйному ученику своему Саввѣ, подъ сѣнію коего процвѣли знаменитѣйшіе иконописцы земли Русской Андрей и Діонисій, благолѣпно украсившіе многіе храмы престольнаго града и оставившіе намъ дивные образцы иконнаго писанія. Учениками св. Сергія Аѳанасіемъ, Ферапонтомъ, Меѳодіемъ и Саввою, построены еще слѣдующіе монастыри: Богородицкій близъ Серпухова, Лужецкій въ городѣ Можайскѣ. Николаевскій, Песношскій въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Саввинъ Сторожевскій въ Звенигородѣ и Саввинъ Вышерскій въ 7 вер. отъ Новгорода.

блистающую. По краткомъ времени повелѣлъ онъ призвать двухъ благоговѣйныхъ мужей изъ братіи Исаакія и Симона, и возвѣстилъ имъ общую радость и надежду. Всѣ вмѣстѣ совершили они молебное пѣніе Богоматери; святый же всю ночь пробылъ безъ сна, внимая умомъ Божественному видѣнію.

Приблизилось, наконецъ, время блаженному Сергію прейти къ нескопчаемому Божественному видѣнію на небесахъ. Достигнувъ глубокой старости, (ибо имѣлъ уже 78 лѣтъ отъ рожденія), прежде 6 мѣсяцевъ уразумѣлъ онъ свое отшествіе и, призвавъ братію, вручилъ старѣйшинство надъ ними присному ученику своему Никону, самъ же великій подвижникъ началъ безмолвствовать. Въ самую минуту исхода души своей пожелалъ пріобщиться въ послѣдній разъ, руки учениковъ поддерживали немощные его члены; съ помощію ихъ воздвигъ онъ къ небу преподобные свои руки и сотворивъ послѣднюю молитву, предалъ чистую свою душу въ руки Господа. Скончался мѣсяца Сентября въ 25 день въ лѣто отъ Рождества Христова 1392-е. Тридцать лѣтъ послѣ представленія святаго, открылись

нетлѣнныя его мощи. Священный Соборъ приступилъ къ открытію чудотворнаго гроба, и внезапно пролилось изъ него благоуханіе; предстало зрѣлище достойное умиленія: не только сохранилось цѣлымъ честное тѣло, но и къ одеждѣ его не прикоснулось тлѣніе, хотя съ обѣихъ сторонъ гроба видимо стояла вода. Видѣвшіе прославили Бога и совершили радостный праздникъ Іюля въ 5 день, переложивъ честное тѣло, съ псаломнымъ пѣніемъ, въ новую раку, отъ которой и доселѣ проистекаютъ исцѣленія вѣрующимъ.

Державный князь, совѣщавшись съ учениками преподобнаго, заложилъ церковь каменную надъ гробомъ святого и вскорѣ ее соорудили, съ помощію Христолюбивыхъ людей. Особенно ревновалъ о томъ преподобный игуменъ Никонъ, поспѣшая, чтобы еще при жизни совершилось начатое имъ зданіе, церковь единосущныя Троицы, въ похвалу отца Сергія, и молитвами святаго исполнилось его желаніе.

Буди препрославенъ Боже, дивный во святыхъ своихъ. Простирай чрезъ угодника Твоего дѣйственное благословеніе Твое на церковь и отечество наше, да будетъ слава благости Твоей во вѣки!

Конецъ.

Крестный ходъ изъ Москвы въ Троице-Сергіеву Лавру въ 1892 году.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ.

21-го сентября, съ ранняго утра, всѣ жители первопрестольной столицы были на ногахъ, и сотни тысячъ народа шли массами изъ Замоскворѣчья и Таганки, Рогожской и другихъ мѣстностей, къ златоглавому кремлю, и занимали весь путь, по которому долженъ былъ слѣдовать торжественный крестный ходъ изъ кремлевскихъ соборовъ и монастырей въ Сергіеву Лавру.

Большой Успенскій соборъ къ пяти часамъ утра былъ уже занятъ богомольцами. Въ семь часовъ въ храмъ прибыли хоругвеносцы и протоіереи собора Н. А. Розоновъ, который совершилъ напутственный молебенъ и освятилъ хоругви, приносимыя обще-

ствомъ хоругвеносцевъ въ даръ Сергіевой Лаврѣ.

Къ 8 часамъ въ соборѣ собрался генералитетъ, во главѣ котораго находился командующій войсками Московскаго военнаго округа, генералъ-адъютантъ А. С. Костанда, а также исправляющій должность губернскаго предводителя дворянства П. Н. Трубецкой, городской голова Н. А. Алексѣевъ, представители городскихъ сословій и земства.

На пути отъ собора до Спасскихъ воротъ стояли войска съ музыкою.

Въ восемь часовъ утра въ соборъ изволилъ прибыть Августѣйшій Генералъ-Губернаторъ, Великій Князь Сергѣй Александровичъ, въ сопровожденіи лицъ своей свиты. По прибытіи Его Высочества, изъ алтаря собора были вынесены запрестольные кресты и иконы святителей московскихъ и евангеліе.

Въ слѣдъ затѣмъ, на средину храма вышли въ золотыхъ облаченіяхъ преосвященные викаріи Московской митрополіи Александръ и Тихонъ съ старшимъ духовенствомъ Хоръ Синодальныхъ пѣвчихъ пѣлъ канонъ Богоматери, и въ началѣ девятаго часа крестный ходъ выступилъ

при торжественномъ звонѣ кремлевскихъ колоколовъ.

Впереди были несены семьдесятъ двѣ хоругви. За хоругвями слѣдовало 60 псаломщиковъ, исполнявшихъ догматики, до двухъ сотъ діаконовъ и священниковъ церквей, а затѣмъ святыни, во главѣ которыхъ были несены на носилкахъ народомъ чудотворные иконы: св. Алексія митрополита, Иверской Богоматери, Владимірской Богоматери, Господа Вседержителя; священникъ несъ св. евангеліе, осѣняемое двумя рипидами.

Далѣе шли архимандриты, члены Духовной консисторіи, преосвященные Александръ и Тихонъ, начальствующія лица и несмѣтныя массы народа.

При выходѣ крестнаго хода изъ собора, войска, стоящія въ кремлѣ, взяли „на молитву“, и первый хоръ музыки заигралъ молитву—„Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“; то же самое исполнялось войсками, стоявшими на Красной площади, когда крестный ходъ показался изъ Спасскихъ воротъ. На пути отъ кремля до часовни во имя св. креста, находящейся на 1-й Мѣщанской улицѣ, изъ церквей выходило духовенство съ хоругвями и

иконами для встрѣчи слѣдующаго крестнаго хода.

У часовни крестный ходъ остановился, и преосвященный Александръ, взойдя внутрь, приложился къ находящемуся здѣсь древнему св. кресту, а затѣмъ продолжалъ итти во главѣ крестнаго хода къ Крестовской заставѣ. Здѣсь было совершено преосвященнѣйшимъ чтеніе св. евангелія, а потомъ крестный ходъ раздѣлился на 2 части: семнадцать хоругвей, чудотворная икона Владимірской Богоматери, запрестольныя иконы и св. евангеліе, сопровождаемыя духовенствомъ изъ Никитскаго собора возвратились въ кремль, а остальныя хоругви и иконы, съ многочисленнымъ духовенствомъ, во главѣ котораго былъ благочинный протоіерей И. А. Касицынъ, направились въ Троицкую лавру.

Отъ кремля по Срѣтенкѣ, со всѣхъ концовъ Садовой и по параллельнымъ улицамъ, начиная съ шести часовъ утра, все было занято всевозможными экипажами, а по тротуарамъ двигалась сплошная масса самаго разнообразнаго и разновиднаго народа съ мѣшками, саквояжами, сумками, котомками и узелками. У Сухаревой башни весь этотъ людъ, какъ нѣсколько встрѣч-

ныхъ потоковъ, сливался въ одну сплошную рѣку и, направляясь въ Первую Мѣщанскую, двигался по ней тѣсной массой къ Крестовской заставѣ; экипажамъ здѣсь не было мѣста, а потому, повернувъ во Вторую Мѣщанскую, огражденную отъ первой канатами и конными жандармами, они тянулись въ два ряда, шагъ за шагомъ, до самой Крестовской заставы. Здѣсь у двухъ строящихся водопроводныхъ башенъ, окруженныхъ лѣсами и галлереями, какъ бы нарочно для доставленія публикѣ возможности видѣть всю улицу, стояли сплошныя толпы, оцѣпляя эти гигантскія сооруженія, пестрѣя на всѣхъ ярусахъ.

Вотъ съ узелочками идетъ толпа фабричныхъ; идутъ мастеровые съ женами, изъ коихъ нѣкоторыя несутъ грудныхъ младенцевъ на рукахъ; въ сторонкѣ какой то господинъ съ дамой подъ ручку, нѣсколько барынь съ маленькими сумочками въ рукахъ, тутъ же группа не то пансіонерокъ, не то воспитанницъ, старшаго класса какого либо пріюта съ узелочками въ рукахъ, предводительствуемыя какой то пожилой особой съ тростью и въ синихъ очкахъ. Далѣе студенты, гимназисты-классики, реалисты, военные, телеграфисты, отставные

служивые, какая то старуха съ солдатскимъ ранцемъ за плечами, хромой съ костылемъ, слѣпые съ поводырями, и среди нихъ, какъ общій фонъ картины, огромная безконечная толпа взаправскихъ богомоловъ и богомолокъ, странниковъ и странницъ съ палками, котомками, съ чайниками и съ запасными лаптями и туфлями за спиною. И все это идетъ, и идетъ безъ конца парами, группами, кучками, сплошною толпою, сотнями, тысячами, десятками тысячъ мужчинъ, женщинъ, юношей, стариковъ, старухъ и молодежи, въ то время, какъ по срединѣ шоссе тянется непрерывная вереница пролетокъ, колясокъ, каретъ съ дамами, дѣтьми, священниками и священнослужителями, цѣлые обозы съ провизіей, поклажей, линейки пустыя и съ сѣдоками, фуры отъ мебели, съ кладью, ломовые со столами, деревянной посудой и табуретами, сундуками и чемоданами; словомъ, наши дѣды, видѣвшіе въ началѣ сентября 1811 года отъѣздъ всей Москвы изъ Калужской заставы, только одни они могли бы, не преувеличивая, сказать, что видѣли когда либо на Москвѣ что либо по-

добное, по своей многочисленности, сегодняшнему торжественному шествію.

У Креста показалась процессія. Медленно, слегка покачиваясь, выплывали изъ-за стѣнъ и лѣсовъ водокачальныхъ башенъ высокія хоругви. Послышалось громкое стройное пѣніе, заблестѣли образа и кованыя ризы духовенства. Отъ заставы до села Алексѣевскаго три версты, при чемъ вся дорога, какъ у заставы, усыпана пескомъ и усѣяна вѣтвями можжевельника, а по дорогѣ снова вереницы экипажей и по ея краямъ толпы народа. Въ самомъ селѣ Алексѣевскомъ — отъ церкви отдѣлилась процессія съ духовенствомъ, хоругвями и сопровождаемая церковнымъ звономъ. Поднявшись на гору за селомъ, она остановилась въ ожиданіи московскаго шествія; окруженный громадной толпой, медленно приближался московскій крестный ходъ, дѣлая не болѣе двухъ верстъ въ часъ; тяжелы его хоругви, а маленькій поднявшійся вѣтерокъ дѣлаетъ ихъ несеніе еще тяжелѣе.

Въ Алексѣевскомъ къ процессіи снова присоединяется масса экипажей, множество народа бѣжитъ по полю на перерѣзъ и примыкаетъ къ шествію. Здѣсь мѣня-

ются хоругвеносцы, и процессія со свѣжими силами идетъ въ Ростокино, до котораго всего полторы версты. Здѣсь многіе изъ идущихъ впереди спѣшатъ захватить мѣста въ чайныхъ, чтобы утолить жажду, согрѣться и отдохнуть. Въ сторонѣ отъ дороги, на лужайкѣ, окруженной сараями, раскинулся цѣлый лагерь. Быстро направилась туда линейка, занятая четырьмя огромными до колоссальности самоварами, потянулась фура съ поклажей и бочка съ водой. Это—лагерь послѣ трудовъ отдыхающихъ хоругвеносцевъ. Быстро задымились колоссальные самовары, а на столахъ появились хлѣбы, чайники, кружки... У самой дороги на взгоркѣ помѣстился фотографъ, далѣе у конца деревни остановились четыре парные воза: это—извѣстный московскій квасникъ Говоровъ открылъ здѣсь торговлю своимъ баварскимъ и клюквеннымъ квасомъ, разбираемымъ, не смотря на хмурую прохладную погоду, проходящими на расхватъ; по дорогѣ, среди народа, толкались сбитенщики, продавцы саекъ, булокъ и пироговъ. Крестный ходъ приблизился къ часовнѣ, помѣщающейся среди деревни; здѣсь отслуженъ былъ молебенъ,

и процессія двинулась дальше. На четырнадцатой верстѣ отъ Москвы, не доходя до Малыхъ Мытищъ, процессія, шедшая по дорогѣ, растянувшись на шесть верстъ позади и впереди до самыхъ Мытищъ, благодаря мѣстности, перемѣнила порядокъ шествія.

Начиная отъ Ростокина, мѣстность, въ началѣ волнистая, принимаетъ видъ обширной плоской равнины, окаймленной мѣстами у самой дороги рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Здѣсь назначена смѣна духовенству, сопровождающему пѣшкомъ крестный ходъ. Отецъ благочинный о. Приклонскій, много священниковъ и діаконовъ тутъ же облачались въ ризы, въ ожиданіи крестнаго хода. Тутъ же въ сторонкѣ близъ кустовъ и деревьевъ расположилась на отдыхъ масса народа: иные разложили костры другіе прилегли на еще зеленой травѣ; у взвода мѣстныхъ артиллерійстовъ сгруппировались фотографы, журналисты, художники. Предъ глазами присутствующихъ открылась величавая, невыразимая по своему благолѣпію и прелести, картина. Отсюда, съ этого плато, видна вся пройденная процессіей мѣстность, начиная съ башенъ крес-

товскаго водопровода вплоть до деревни Ростокино; далѣе на розстояніи версты отъ насъ приближалась процессія, расширяясь широкимъ вѣеромъ, и за тѣмъ широкимъ полукругомъ все болѣе и болѣе оцѣпляя придорожную мѣстность.

Въ эту минуту солнце, словно сочувствуя походу Москвы, на поклоненіе своей государственной и религіозной святынѣ, вырвалось изъ за скрывавшихъ его облаковъ и сразу ярко озолотило всю равнину, загорѣвшись тысячами огней и милліардами искръ на кованныхъ ризахъ и драгоцѣнныхъ хоругвяхъ крестнаго хода. Съ напряженнымъ вниманіемъ и съ чувствомъ безпредѣльнаго восторга слѣдили мы отсюда за золотымъ ядромъ, за этой движущейся „святая святыхъ“ крестнаго хода...

Впереди шла безконечною массой непрерывная толпа народа. Тысячи богомольцевъ и странниковъ, калѣкъ и слѣпыхъ, перемѣшанныхъ съ интеллигентами, чиновниками, офицерами, студентами, деревенскими священниками и священнослужителями, идущими изъ разныхъ деревень безъ ризъ, по обѣту и усердію; съ ними идутъ крестьяне съ котомками и палками

изъ Кіева, Воронежа, Орла и всякихъ другихъ мѣстъ; а за ними нѣсколько сотъ богомолокъ, составившихъ изъ себя стройный хоръ, звучно поющій: „Спаси Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое... Побѣды благовѣрному Государю Императору Александру Александровичу, на сопротивныя даруя“,—подхватываютъ громовые басы слѣдующаго за женщинами любительскаго хора, собравшагося въ количествѣ 250 человѣкъ.... Затѣмъ идутъ хоругви, цѣлая сотня хоругвей, изъ коихъ въ каждой отъ двухъ до четырехъ пудовъ кованнаго серебра. Съ трудомъ переваливаясь съ ноги на ногу, перекинувъ ремни черезъ плечи и отваливая назадъ корпусъ, несутъ ихъ могучіе, одѣтые въ расшитые серебромъ кафтаны, хоругвеносцы; съ боковъ, поддерживая штанги, помогаютъ имъ ихъ подручные, не задача ихъ все-таки не легка: капли пота падаютъ со лба богатырей—добровольцевъ и высоко вздымается грудь....

За духовенствомъ, съ образами и крестами, снова толпы и толпы, а за ними цѣлый обозъ экипажей, телѣгъ и фуръ съ провизіей, поклажей, даже съ дѣтьми,—

обозъ далеко уходящій назадъ и теряющійся за поворотомъ дороги.

—„Да это цѣлая армія, великая армія въ походѣ!“ восторжено воскликнулъ рядомъ со мной стоящій художникъ французъ.

— „Нѣтъ“, возразилъ бывшій тутъ же богомолецъ: „это не армія на походѣ; это — святая Русь, которую 500 лѣтъ назадъ послалъ на врага Россіи и Православной Церкви ея великій сподвижникъ и заступникъ земли Русской, та самая великая святая Русь, которая и теперь, вы видите, готова встать, какъ одинъ человѣкъ, во славу святой Церкви и Великаго Государя!“

Въ 5 часовъ 5 минутъ вечера крестный ходъ вступилъ въ село Мытищи. Впереди его ѣхалъ на конѣ вице-губернаторъ Боратынскій. Улица села была переполнена народомъ и усыпана пескомъ и можжевельникомъ, по пути къ мѣстному храму; духовенствомъ, сопровождавшимъ духовную процессію, было совершено краткое молебствіе и затѣмъ въ 5 часовъ 25 минутъ хоругви и св. иконы были внесены

въ храмъ, гдѣ и пробудутъ до 8 часовъ утра сегодняшняго дня.

Всѣхъ хоругвей слѣдуетъ въ крестномъ ходу пятьдесятъ три, въ числѣ ихъ хоругвь отъ жителей г. Богородска; до тридцати хоругвей помѣщены у приготовленнаго имъ мѣста, нѣсколько изъ нихъ размѣщено по церкви и до десяти оставлены въ преддверіи храма; св. иконы поставлены передъ алтаремъ на особо приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ. Въ 6 часовъ въ храмѣ началась всенощная.

Богомольцы, въ числѣ которыхъ было много пилигримовъ, пришедшихъ изъ дальнихъ окраинъ нашего отечества, уставшіе въ пути, расположились на отдыхъ и ночлегъ группами на улицахъ у крестьянскихъ домиковъ, другіе пріютились въ домахъ, гдѣ мужички брали съ нихъ за ночлегъ по 50 коп. съ каждаго; многіе легли на дворахъ, имѣя себѣ постелью солому; множество сопровождавшихъ крестный ходъ, не найдя себѣ пріюта въ Мытищахъ, пошли въ селеніе Тарасовку, отстоящую отъ Мытищъ по шоссе въ 6 верстахъ, нашлись и такіе, которые поздно ночью добрались и до села Пушкина.

Улица села была окаймлена вереницею

телѣгъ наполненныхъ бѣлыми хлѣбами, ситными и баранками; тутъ же между ними юти лись и пожаловавшіе изъ Москвы разнощики съ балыками и другой провизіей. Трактиры и чайныя лавки переполнились посѣтителями; во всѣхъ домахъ сидѣли за самоварами богомольцы, въ числѣ которыхъ было много московскихъ дамъ и ихъ спутниковъ.

Надъ селомъ стоялъ отъ говора нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей какой-то шумъ, похожій на шумъ отъ прибоя къ берегу морскихъ волнъ. Люди двигались изъ конца въ конецъ села, отыскивая себѣ мало-мальски сноснаго ночлега, но — увы, — многіе не нашли его и легли на сырой землѣ, освѣщаемой яркими лучами луны, гулявшей на безоблачномъ небѣ.

Хоругвеносцы, которыхъ насчитывалось въ крестномъ ходѣ до семисотъ, расположились въ заранѣе нанятыхъ помѣщеніяхъ.

На всемъ пути слѣдованія крестнаго хода заболѣвающихъ не было.

Порядокъ въ шествіи крестнаго хода былъ прекрасный и ничѣмъ не нарушенъ.

Болѣе тысячи богомольцевъ, слѣдовавшихъ въ крестномъ ходу съ поѣздомъ же-

лѣзной дороги, вышедшимъ съ Мытищенской станціи въ исходѣ 8 часа вечера, отправились въ Москву, только потому, что въ селѣ они не нашли себѣ почлега.

Съ поѣздомъ этимъ уѣхало болѣе восьмисотъ пассажировъ; остальные 387 пассажировъ уѣхали съ другимъ экстреннымъ поѣздомъ, пришедшимъ въ Москву въ началѣ 10-го часа вечера.

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

Ночь на сегодняшній день богомольцы провели въ Мытищахъ, какъ мы уже говорили, съ большими трудностями относительно ночлега. Чайные столы были заняты народомъ до полуночи. Путь отъ Мытищъ до Тарасовки на разстояніи шести верстъ былъ освѣщенъ кострами. Богомольцы, не находя себѣ ночлега въ Мытищахъ, шли безпрерывными вереницами въ Тарасовку, имѣющую до ста обывательскихъ домовъ, и заняли ихъ безъ исключенія; люди съ достаткомъ платили за ночлегъ отъ рубля до 75 коп.: они пріютились въ жилыхъ помѣщеніяхъ; сред-

ній людъ занялъ чердаки, съ платою отъ 50 коп. до 30 коп., а послѣдніе, неимущіе, расположились на дворахъ, гдѣ имъ была постлана солома, и въ сараяхъ; съ нихъ брали за ночлегъ по 15 коп. съ каждаго. Избы были переполнены ночлежниками, такъ что нѣкоторые крестьяне получили за ночь дохода до восьми рублей за небольшую хибарку.

Но за всѣмъ тѣмъ помѣщеній этихъ было мало: многіе ушли на ночлегъ въ село Пушкино и расположились тамъ до утра другаго дня.

Хоругвеносцы, духовенство, а съ ними и богомольцы, поднялись съ постелей задолго до разсвѣта; въ это время въ прекрасномъ обширномъ храмѣ шла литургія, окончившаяся въ началѣ седьмаго часа.

По окончаніи литургіи, ровно въ семь часовъ, крестный ходъ вышелъ изъ храма и направился тѣмъ же порядкомъ, какъ въ первый день, въ дальній путь. Многіе изъ богомольцевъ пошли впередъ, массы ихъ тянулись передъ крестнымъ ходомъ, на пространствѣ болѣе шести верстъ; для нихъ въ одномъ изъ перелѣсочковъ кипѣли громадные самовары.

Сопровождаютъ величественную духов-

ную процессію: исправникъ Московскаго уѣзда, четыре становыхъ пристава, двадцать пять казаковъ и столько же урядниковъ.

Порядокъ шествія не нарушается ни въ чемъ; изъ громадной массы людей, слѣдующихъ за крестнымъ ходомъ, ни вчера, ни сегодня мы не замѣтили ни одного охмѣлѣвшаго человѣка; идутъ всѣ съ открытыми головами, не смотря на то, что сегодняшній день былъ довольно прохладный: утромъ реомюръ показывалъ въ полѣ только одинъ градусъ тепла, и, слава Богу, не было ни одного больнаго.

Селеніе „Тарасовка“ было запружено тысячами простолюдиновъ, собравшихся сюда съ окрестныхъ селеній; тутъ же находились рабочіе съ фабрикъ г.г. Сапожникова и Алексѣева, и дожидавшіеся процессіи богомольцы, ушедшіе наканунѣ впередъ ея.

Улица деревни была усыпана пескомъ и можжевельникомъ; посреди селенія былъ поставленъ столъ, покрытый бѣлою скатертью; около него сгруппировалось духовенство церкви села Большева и находились хоругви съ запрестольными иконами изъ домоваго храма при имѣніи г. Алек-

сѣева, и прекрасный хоръ пѣвчихъ съ мальчиками, составленный изъ фабричнаго люда фабрики Сапожникова, пѣлъ ирмосы.

Изъ Тарасовки на встрѣчу крестнаго хода пошло много народа, среди котораго находились женщины съ дѣтьми на рукахъ.

Безъ десяти минутъ въ десять часовъ крестный ходъ вступилъ въ Тарасовку и былъ встрѣченъ духовенствомъ села Болышева; здѣсь отслуженъ былъ краткій молебенъ и затѣмъ процессія двинулась далѣе, къ селу Пушкину.

Сталъ моросить дождь, который вскорѣ пересталъ; подулъ сильный, холодный сѣверный вѣтеръ и затруднялъ шествіе крестнаго хода; хоругвеносцы мѣнялись довольно часто и, видимо, сильно утомлялись.

Весь путь далеко еще до села и на всемъ протяженіи его, имѣющемъ болѣе версты, былъ покрытъ толстымъ слоемъ песку и щедро усыпанъ можжевельникомъ; по срединѣ села, на шоссе, былъ сооруженъ патеръ-часовня съ вызолоченнымъ надъ нимъ крестомъ; онъ имѣетъ 18 арш. длины, 12 арш. ширины и 7 арш. въ вышину; полъ, стѣны и мѣста для иконъ были покрыты краснымъ сукномъ, боко-

выя стороны имѣли видъ колоннъ, убранныхъ зеленью. Все это сооружено на средства г. Армандъ.

Онъ же устроилъ для богомольцевъ обширную чайную: одна половина ея находится въ громадномъ сараѣ, а другая подъ открытымъ небомъ на лугу; вода кипятилась въ двухъ котлахъ, вмѣщавшихъ въ себѣ по восьми ушатовъ. Народъ бралъ чай по очереди и можно положительно сказать, количество успѣвшихъ напиться чаю доходило до десяти тысячъ человѣкъ, и все это дано было безплатно.

Кромѣ того, г. Армандъ заарендовалъ на этотъ день всѣ трактиры Пушкина, обязавъ напоить чаемъ всѣхъ богомольцевъ даромъ, представляя ему затѣмъ счетъ.

Задолго еще до прибытія крестнаго хода въ село, гора, на которой красуется величественный храмъ, была покрыта несчетнымъ количествомъ народа.

Въ половинѣ двѣнадцатаго часа дня, крестный ходъ вступилъ въ село при колокольномъ звонѣ, и, приблизясь къ шатру-часовнѣ, остановился; хоругви помѣстились предъ шатромъ въ двѣ линіи, св. иконы были внесены въ шатеръ и поставлены на приготовленныхъ мѣстахъ,

туда же вошло и духовенство. Протоіерей о. Иванъ Смирновъ въ сослуженіи съ другими священниками совершилъ обычный заказной молебенъ при пѣніи хора мѣстныхъ пѣвчихъ и хора любителей духовнаго пѣнія.

Въ часъ безъ пяти минутъ, крестный ходъ отправился далѣе, на деревню. Новую. Передъ отбытіемъ крестнаго хода изъ Пушкина на хоругвь, изображающую явленіе Богоматери преподобному Сергію, г. Армандъ возложенъ вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ.

Новая деревня отстоитъ отъ Пушкина въ двухъ верстахъ, а за нею въ четырехъ верстахъ, расположилось большое историческое село Братовщина, гдѣ и былъ назначенъ ночлегъ.

По выходѣ крестнаго хода изъ Пушкина, въ которомъ при слѣдованіи процессіи впередъ, всѣ крыши зданій и окна были унизаны народомъ, погода значительно потеплѣла и вѣтеръ совершенно затихъ.

Благоговѣніе, царившее во время слѣдованія духовной величественной процессіи, было на столько велико, что выразить того нельзя. Мы укажемъ вотъ на какой

фактъ: какой то высокій, пожилой мужчина, повидимому изъ бывшихъ чиновниковъ, о чемъ свидѣтельствовала его фуражка съ краснымъ околышемъ, идя впереди крестнаго хода, неподалеку отъ пѣвшихъ ирмосы женщинъ-пилигримокъ, вздумалъ закурить папиросу, что было замѣчено другими, оскорбившимися его поступкомъ. Кто то подошелъ къ нему и сказалъ:

— Бросьте папироску: вы идете со святыней!

— Извольте. брошу,—припрятавши ее въ рукахъ, — отвѣтилъ онъ и снова хотѣлъ покурить.

Другой богомолецъ увидалъ это и сказалъ чиновнику:

— Сказано — бросить,—такъ брось!

— Ну, ладно,—буркнулъ курильщикъ, не выпуская изъ руки папироску.

Тогда обступили его нѣсколько путниковъ и заставили его потушить курево.

За крестнымъ ходомъ сегодня слѣдовало болѣе 30,000 человѣкъ, да столько же шло впереди его; разсыпавшись на нѣсколько верстъ, шли эти богомольцы по сторонамъ дороги группами и пѣли духовныя пѣсни, какой то еще не старый

солдатикъ шелъ впереди процессіи, сгруппировавши около себя болѣе пятидесяти женщинъ и мужчинъ, онъ велъ себя какъ регентъ, и хоръ былъ послушенъ ему во всемъ. Другой изъ духовнаго званія человѣкъ, въ рясѣ, съ длинными волосами, собравъ около себя нѣсколько десятковъ богомольцевъ шелъ въ серединѣ ихъ съ книгою въ рукахъ и тоже, какъ регентъ размахивая одной рукой при пѣніи кондаковъ, держалъ свой хоръ въ полномъ повиновеніи къ себѣ. Шла еще съ такою же группой женщина, одѣтая въ траурный костюмъ, за ней слѣдовало болѣе ста другихъ женщинъ; по указанію ея, опѣ пѣли ирмосы.

Невозможно перечислить всѣхъ подобныхъ фактовъ, которымъ мы были свидѣтелями, находясь въ крестномъ ходу за эти послѣдніе два дня.

Въ село Братовщину крестный ходъ вступилъ въ половинѣ четвертаго часа вечера и, спускаясь съ горы въ лощину, представлялъ чудную, душу трогающую, картину.

Въ четыре часа процессія подошла къ мѣстному храму и внесла въ него всѣ хоругви и св. иконы. Богомольцы не

вдругъ отошли отъ храма; они раздѣлились на группы и пошли отыскивать себѣ квартиры, многіе же изъ нихъ отправились впередъ, чтобы въ ближайшихъ селеніяхъ свободнѣе отыскать себѣ пріютъ.

Спустилась ночь; она была темная; небо одѣлось тучами; село мало мальски успокоилось; многіе изъ богомольцевъ улеглись, гдѣ пришлось, на сырой землѣ; хоругвеносцы расположились за самоварами подъ открытымъ небомъ, а затѣмъ разбрелись по домамъ; средина улицы была занята фурами и другими экипажами, для которыхъ, вѣроятно, по дороговизнѣ платы за дворовые навѣсы, не пріискали помѣщенія; боковыя стороны шоссе были унизаны телѣгами и корзинами продавцевъ всякой всячины изъ съѣдобнаго, а за селомъ въ полѣ виднѣлись небольшія зарева отъ горѣвшихъ костровъ, у которыхъ расположились богомольцы на ночлегъ.

ДЕНЬ ТРЕТІЙ.

Ночь въ Братовщинѣ прошла спокойно. Нѣкоторые изъ ночлежниковъ, расположившіеся на улицѣ, были оповѣщены, что

въ селѣ есть нѣсколько даровыхъ квартиръ, приговленныхъ на благотворительныя средства, отправились отыскивать ихъ, и въ числѣ 150 человѣкъ размѣстились въ нихъ.

Часа въ два ночи, прошелъ небольшой дождь, продолжавшійся не менѣе часу.

Въ пять часовъ утра, заблаговѣстили къ литургіи, а въ шесть часовъ, крестный ходъ сталъ приговляться въ путь, и только черезъ три четверти часа, опъ выравнялся на шоссе и въ сопровожденіи мѣстнаго духовенства, вышедшаго съ хоругвями и запрестольными иконами, двинулся въ путь. Проводивъ процессію не болѣе версты, опъ вернулся обратно.

Братовщиной закончилась первая половина пути слѣдованія крестнаго хода. Хоругвеносцы идутъ съ хоругвями бодро и не утомляются, какъ было въ первый день. Молодежь изъ нихъ охотно заступаетъ мѣста стариковъ и берется нести хоругви одинъ передъ другимъ.

Пройдя четыре версты отъ Братовщины къ деревушкѣ Копѣйково, крестный ходъ былъ встрѣченъ духовенствомъ изъ села Спасскаго, находящагося въ сторонѣ отъ шоссе, близъ Ярославской чугунки, въ

имѣніи г. Майкова; послѣ краткаго молебствія, процессія направилась къ селу Талицы, лежащему отъ упомянутаго селенія въ шести верстахъ.

Когда поравнялись съ селомъ „Могильцы“, расположеннымъ по лѣвую сторону дороги, то проглянуло солнце и лучами своими освѣтило хоругви процессіи, принявшей очаровательный видъ.

Въ Талицы крестный ходъ вступилъ въ 20 минутъ одиннадцатаго часа и былъ встрѣченъ духовествомъ изъ села Могильцы. Когда онъ двинулся впередъ, хоръ дьячка-регента сошелъ съ шоссе на лѣвую сторону дороги; регентъ почти на распѣвъ сталъ читать акаѳистъ преподобному Сергію, съ припѣвомъ хора, и окруженный массою народа, шелъ впереди процессіи.

У пещеры Стефана Махрищскаго крестный ходъ остановился для перемѣны состава сопровождавшаго его духовенства.

Всѣ дома въ Талицахъ ночью на сегодняшній день были переполнены ночлежниками, занявшими собою даже дворы, чердаки и сараи. Въ страннопріимномъ домѣ, недавно выстроенномъ у пещеръ св. Стефана, ночевало безплатно до пятисотъ человѣкъ.

У пещеръ преподобнаго Стефана, подъ горой и по другую сторону шоссе, живописно раскинулся лагерь хоругвеносцевъ. Здѣсь для нихъ монашествующіе поставили длинные столы и скамейки, тутъ же въ самоварахъ кипятилась вода для чая. Кромѣ хоругвеносцевъ, за тѣми же столами сидѣло нѣсколько десятковъ странниковъ, угощаемыхъ даровымъ чаемъ на счетъ хоругвеносцевъ.

Вообще люди эти неимущимъ не отказывали во всю дорогу въ пищѣ, оставшейся отъ ихъ обѣдовъ и ужиновъ, такъ что во всю дорогу они накормили и напоили болѣе двухъ тысячъ человѣкъ. Пищу хоругвеносцамъ приготовляли повара изъ ресторана „Стрѣльна“; котлы, въ которыхъ варилась она, были даны имъ отъ 4 артиллерійской батареи, квартирующей въ Москвѣ. При котлахъ находились и кашевары.

Вообще крестный ходъ представлялъ изъ себя величественное духовное, небывалое и радостное для каждаго христіанина явленіе. Въ числѣ сопровождавшихъ его богомольцевъ находились представители всей Руси православной: это мы говоримъ про пилигримовъ, которые разне-

сутъ по всей православной Россіи свои впечатлѣнія объ этомъ великомъ торжествѣ Церкви Православной.

Погода благопріятствовала шествію. Солнце хотя и скрылось за облаками, но въ воздухѣ дышало тепломъ; пыли не было, вѣтерокъ не колыхалъ даже пожелтѣвшими листами березоваго лѣса.

Въ селѣ Рахмановѣ крестный ходъ былъ встрѣченъ мѣстнымъ духовенствомъ.

Въ 3 ч. 15 м. вечера крестный ходъ достигъ села Воздвиженскаго и, встрѣченный духовенствомъ, остался тутъ на почлегъ, хоругви и св. иконы съ запрестольными крестами были поставлены въ церкви.

Село Воздвиженское имѣетъ только 17 домовъ.

По срединѣ села на шоссе стали повозки, а за ними ближе къ домамъ расположились продавцы продуктовъ и хлѣба. Богомольцы, не найдя ночлега, двинулись впередъ по шоссе, а другіе удалились въ сосѣднія селенія; многіе пошли въ село Городокъ, въ верстѣ отъ Воздвиженскаго, гдѣ, какъ увѣряютъ мѣстные старики, первоначально поселился преподобный Сергій; небольшой земляной

валъ за селомъ, на высокой горѣ, указываетъ, по ихъ словамъ, его мѣстопребываніе.

Задверки селенія запестрѣлись группами усѣвшихся отдохнуть богомольцевъ, принявшихся за трапезу. На лугу, въ лощинкѣ, влѣво отъ дороги, расположились хоругвеносцы, здѣсь имъ приготовленъ чай и приготовляется въ котлахъ ужинъ.

Завтра предполагается, что крестный ходъ пойдетъ въ путь съ четырехъ часовъ утра ради того, чтобы въ назначенное время, къ полудню, прибыть въ Сергіевъ посадъ.

Слава Богу, и за этотъ день больныхъ въ пути не было. Порядокъ крестнаго хода изумительно тихъ и величественъ.

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

На послѣднемъ ночлегѣ крестнаго хода, въ селѣ Воздвиженскомъ, тысячамъ богомольцевъ пришлось переночевать подъ открытымъ небомъ и перенести всякія неудобства.

Небогатому люду пришлось обогрѣваться у горѣвшихъ костровъ, по случаю хо-

лодной ночи. Ложиться имъ спать на холодной землѣ было опасно, и они, чтобы разогнать дремоту, раздѣлившись на группы и тѣсняясь къ зажженнымъ кострамъ, пѣли божественныя пѣсни, оглашая ими окрестности на далекое разстояніе. Картина этого ночлега достойна была кисти художника, но, къ сожалѣнію, его на этотъ разъ не оказалось.

Во всю ночь изъ Хотькова шли и ѣхали богомольцы на встрѣчу крестнаго хода; путь на разстояніи семи верстъ лежалъ все по лѣсу, почти по недоступной дорогѣ. Вмѣстѣ съ богомольцами, шло много народа, сопровождавшаго изъ Хотькова въ село Воздвиженское икону Саввы Звенигородскаго, назначенную въ даръ Сергіевой Лаврѣ.

Въ пять часовъ утра крестный ходъ отправился въ путь, не измѣняя своего вида.

Не доходя селенія Рязанцы, у креста стояли въ ожиданіи прибытія крестнаго хода икона преподобнаго Сергія и хоругви отъ хоругвеносцевъ г. Суздаля; пригорокъ около часовни былъ занятъ народомъ и торговцами жизненныхъ припасовъ, тутъ и тамъ пылали костры.

Когда крестный ходъ показался на дорогѣ, его освѣтило яркое восходящее солнце. Всѣ сѣтовали на то, что ожидаемыя изъ Хотькова хоругви и икона Смоленской Божіей Матери запоздали на встрѣчу крестнаго хода, но вотъ, когда уже начался молебенъ св. Алексѣю митрополиту, прп. Сергію и св. Стефану, отъ Рязанцева подошли ожидаемыя хоругви, св. икона и присоединились къ крестному ходу, который вскорѣ затѣмъ при пѣніи: „Кресту Твоему поклоняемся, Владыко“, отправились въ путь.

Чѣмъ ближе подвигался крестный ходъ къ Троицкому посаду, тѣмъ болѣе шло къ нему на встрѣчу богомольцевъ. За шесть верстъ не доходя посада, на горахъ, покрытыхъ лѣсомъ, между такъ называемымъ „Косовымъ врагомъ“, мы увидали массы народа.

Народъ, чтобы яснѣе видѣть духовную процессію, взбирался на высокія березы и ели. Картина крестнаго хода, спускавшагося съ горы, была очаровательная: хоругви двигались медленно и были освѣщены солнцемъ.

За двѣ версты отъ посада обѣ стороны шоссе были окаймлены густою массою на-

рода, вышедшаго на встрѣчу духовной процессіи.

За все время слѣдованія крестнаго хода отъ Москвы до Лавры было только семь легкихъ заболѣваній отъ усталости и—ни одного смертнаго случая. Богомольцы вели себя на столько прилично, что между десятками тысячъ ихъ не было не только охмѣлѣвшихъ, но и слегка выпившихъ.

Встрѣча крестнаго хода въ Сергіевой Лаврѣ.

Въ то время, когда крестный ходъ подходилъ къ посаду, на встрѣчу ему изъ посадскихъ церквей въ поле были вынесены 28 хоругвей и иконы, въ сопровожденіи священниковъ съ благочиннымъ о. Ѳаворскимъ, діаконовъ и псаломщиковъ. Духовенство было облачено въ ризы изъ сѣроватой-коломенки съ позументомъ, сдѣланнымъ изъ синей шерстяной матеріи.

Массы народа сопровождали этотъ крестный ходъ. Хоругви и иконы остановились возлѣ желѣзнодорожной будки и, въ ожиданіи прихода московскаго „крестнаго хо-

да“, было совершено молебное пѣніе св. преподобному Сергію, при пѣніи хора любителей. Въ двѣнадцатомъ часу утра, къ этому крестному ходу присоединилось духовенство изъ Москвы: благочинный монастырей, Знаменскій архимандритъ Сергій, каѳедральный протоіерей А. И. Соколовъ, члены Московской Духовной Консисторіи о. о. протоіереи: П. И. Казанскій, А. Ѳ. Некрасовъ, В. С. Марковъ, А. С. Ильинскій, сакелларій Успенскаго собора, протоіерей П. А. Розановъ, благочинные протоіереи московскихъ церквей: Китайскаго сорока, К. И. Богоявленскій и Ивановскаго И. Ѳ. Касицынъ.

Вся лаврская площадь, улицы и пригорки по пути слѣдованія крестнаго хода были заняты массами народа, который стоялъ на крышахъ домовъ и оставшихся на этой площади лавочекъ. На площади былъ выстроенъ Троице-Сергіевскій резервный баталіонъ, при оркестрѣ музыки.

Въ двѣнадцатомъ часу изъ Троицкаго собора на Соборную площадь вышелъ крестный ходъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди были несены двѣ древнія хоругви изъ Успенскаго собора и серебряная

вызолоченная хоругвь, пожертвованная хоругвеносцами каѳедральнаго собора. За ними шли по два въ рядъ іеромонахи съ принесенными въ даръ Лаврѣ иконами, въ серебряныхъ вызолоченныхъ окладахъ съ эмалью, Смоленской Божіей Матери отъ Смоленскаго епископа преосвященнаго Гурія и его паствы, св. Василія, епископа Рязанскаго, отъ архіепископа Рязанскаго Ѳеоктиста, Почаевской Богоматери отъ Почаевской Лавры, св. Меѳодія отъ Николаевскаго Пѣсношскаго монастыря, Господа Вседержителя отъ жителей г. Вологды, благовѣрныхъ князей Ярославскихъ Давида, Ѳеодора и Константина отъ архіепископа Іонаѳана, преподобныхъ Сергія и Романа Киржачскихъ отъ жителей г. Киржача, св. Арсенія отъ архіепископа Тверскаго Саввы, святителя Ѳеодора Ростовскаго и преподобнаго Сергія отъ Симонова монастыря, преподобныхъ Андроники и Саввы отъ Андроньева монастыря и келлейныя иконы препод. Сергія: св. Николая и Божіей Матери Одигитріи; далѣе слѣдовалъ хоръ Чудовскихъ пѣвчихъ въ парадной формѣ, исполнявшій подъ управленіемъ г. Сахарова тропарь св. Сергію; лаврскіе

іеродіаконы несли запрестольный крестъ и икону изъ Троицкаго собора, а іеромонахъ чудотворную икону „Явленія Богоматери св. Сергію“. Затѣмъ шли попарно съ зажженными свѣчами о. о. архимандриты: Симоновскій Андрей, Аѳонскій Арсеній, Высокопетровскій Никифоръ, Чудовской Лаврентій, намѣстникъ Лавры о. Павелъ, ризничій Лавры о. Аѳанасій, ректоръ Московской семинаріи о. Климентъ, ректоръ Московской духовной академіи о. Антоній, преосвященный Христофоръ, епископъ Ковенскій, архіепископы: Рязанскій Ѳеоктистъ, Ярославскій Іонафанъ, Владимірскій Ѳеогностъ и Тверской Савва, два діакона съ кадилами, иподіаконы съ трикиріями и дикиріями и владыка митрополитъ Московскій Леонтій. Владыка митрополитъ, преосвященные архіепископъ Ѳеогностъ и епископъ Христофоръ съ прочими священнослужителями были въ одинаковыхъ облаченіяхъ изъ коломенки съ голубыми крестами.

Хоругви, святыя иконы и лаврское духовенство, съ преосвященнымъ архіепископомъ Ѳеоктистомъ во главѣ, отдѣлились отъ этой процессіи и направились къ Пятницкой церкви, гдѣ къ нимъ при-

соединились хоругви изъ Махрищскаго монастыря съ иконами Тихвинской Богоматери и св. Стефана, пещеръ и Геѳсиманскаго скита съ чудотворной иконой Черниговской Богоматери, Виѳанскаго монастыря — съ иконой Тихвинской Богоматери и церкви при Александро-Маріинскомъ домѣ призрѣнія. Владыка Митрополитъ съ прочими архіереями и духовенствомъ остались на площади у Святыхъ воротъ.

Крестные ходы соединились вмѣстѣ, а въ двадцать минутъ перваго часа подошли къ святымъ воротамъ Лавры и остановились. Оркестръ военной музыки исполнилъ „Коль славенъ“. Хоругви стали въ два ряда по обѣимъ сторонамъ Святыхъ воротъ, а святыя иконы помѣстились въ серединѣ. Чудовскіе пѣвчіе запѣли тропарь святому Сергію, а затѣмъ владыка митрополитъ послѣ ектеніи осѣнилъ народъ на четыре стороны св. крестомъ при окропленіи святою водою и, пропустивъ мимо себя крестный ходъ въ Лавру, сопроводилъ его до Троицкаго собора.

Чудотворныя иконы Спасителя, Иверской Божіей Матери, св. Сергія, Черниговской Богоматери, св. Саввы, св. Алек-

сія митрополита и иконы Владимірской Богоматери, Смоленской Богоматери, были внесены съ хоругвями въ Успенскій соборъ, а остальныя иконы въ алтарь Троицкаго собора.

Московскій крестный ходъ отправился обратно изъ Лавры въ Москву по желѣзной дорогѣ 26 сентября, послѣ литургіи въ Троицкомъ соборѣ.

(„Моск. Лис.“).

2007059312